3460
G3T6E

В. М. ГАРШИНЪ

WHAT NEVER HAPPENED

THE MEETING

THE SIGNAL · FOUR DAYS

GARSHIN

OXFORD
AT THE CLARENDON PRESS

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

Digitized by the Internet Archive
in 2008 with funding from
Microsoft Corporation

http://www.archive.org/details/whatneverhappene00gars

В. М. ГАРШИНЪ

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО
ВСТРѢЧА
СИГНАЛЪ
ЧЕТЫРЕ ДНЯ

UNIV. OF CALIFORNIA
AT LOS ANGELES LIBRARY

ОКСФОРДЪ
Типографія Кларендонъ

OXFORD UNIVERSITY PRESS
LONDON EDINBURGH GLASGOW NEW YORK
TORONTO MELBOURNE CAPE TOWN BOMBAY
HUMPHREY MILFORD
PUBLISHER TO THE UNIVERSITY

2007·13

ТО, ЧЕГО́ НЕ́ БЫЛО.

Въ оди́нъ прекра́сный ію́ньскій день — а прекра́сный онъ былъ потому́, что бы́ло два́дцать во́семь гра́дусовъ по Реому́ру — въ оди́нъ прекра́сный ію́ньскій день бы́ло вездѣ́ жа́рко, а на поля́нкѣ въ саду́, гдѣ стоя́ла копна́ неда́вно ско́шеннаго сѣ́на, бы́ло ещё жа́рче, потому́ что мѣ́сто бы́ло закры́тое отъ вѣ́тра густы́мъ, прегусты́мъ вишняко́мъ. Всё почти́ спа́ло : лю́ди на-ѣ́лись и занима́лись послѣобѣ́денными боковы́ми заня́тіями ; пти́цы примо́лкли, да́же мно́гія насѣко́мыя попря́тались отъ жары́. О дома́шнихъ живо́тныхъ не́чего и говори́ть : скотъ кру́пный и ме́лкій пря́тался подъ навѣ́съ; соба́ка, вы́рывъ себѣ́ подъ амба́ромъ я́му, улегла́сь туда́ и, полузакры́въ глаза́, преры́висто дыша́ла, вы́сунувъ ро́зовый язы́къ чуть не на полъ-арши́на; иногда́ она́, очеви́дно отъ тоски́, происхо́дящей отъ

смерте́льной жары́, такъ зѣва́ла, что при э́томъ да́же раздава́лся то́ненькій визгъ; сви́ньи, ма́менька съ трина́дцатью дѣ́тками, отпра́вились на бе́регъ и улегли́сь въ чёрную, жи́рную грязь, при чёмъ изъ гря́зи ви́дны бы́ли то́лько сопѣ́вшіе и храпѣ́вшіе свины́е пятачки́ съ двумя́ ды́рочками, продолгова́тыя, о́блитыя гря́зью спи́ны, да огро́мныя пови́слыя у́ши. Однѣ́ ку́ры, не боя́сь жары́, ко́е-какъ убива́ли вре́мя, разгреба́я ла́пами сухо́ю зе́млю про́тивъ ку́хо́ннаго крыльца́, въ кото́рой, какъ онѣ́ отли́чно зна́ли, не́ было уже́ ни одного́ зёрнышка; да и то пѣтуху́, должно́ быть, приходи́лось пло́хо, потому́ что иногда́ онъ принима́лъ глу́пый видъ и во всё го́рло крича́лъ: „ како́й скандалъ!“

Вотъ мы ушли́ съ поля́нки, на кото́рой жа́рче всего́, а на э́той-то поля́нкѣ и сидѣ́ло цѣ́лое о́бщество неспа́вшихъ госпо́дъ. То-есть сидѣ́ли-то не всѣ; ста́рый гнѣдо́й, напримѣ́ръ, съ опа́сностью для свои́хъ боко́въ отъ

кнута́ ку́чера Анто́на разгреба́вшій копну́ сѣна, бу́дучи ло́шадью, во́все и сидѣть не умѣлъ; гу́сеница како́й-то ба́бочки то́же не сидѣла, а скорѣе лежа́ла на животѣ; но дѣло вѣдь не въ сло́вѣ. Подъ ви́шнею собрала́сь ма́ленькая, но о́чень серьёзная компа́нія: ули́тка, навозный жукъ, я́щерица, вышеупомя́нутая гу́сеница; прискака́лъ кузне́чикъ. Во́злѣ стоя́лъ и ста́рый гнѣдо́й, прислу́шиваясь къ ихъ рѣча́мъ одни́мъ, повёрнутымъ къ нимъ, гнѣды́мъ у́хомъ, съ торча́щими изнутри́ тёмно-сѣрыми волоса́ми; а на гнѣдо́мъ сидѣли двѣ му́хи.

Компа́нія вѣжливо, но дово́льно одушевлённо спо́рила, при чёмъ, какъ и слѣдуетъ быть, никто́ ни съ кѣмъ не соглаша́лся, такъ какъ ка́ждый дорожи́лъ незави́симостью своего́ мнѣнія и хара́ктера.

— По мо́ему, — говори́лъ навозный жукъ — поря́дочное живо́тное пре́жде всего́ должно́ забо́титься о своёмъ пото́мствѣ. Жизнь есть трудъ для бу́дущаго поколѣнія.

Тотъ, кто созна́тельно исполня́етъ обя́занности, возло́женныя на него́ приро́дой, тотъ стои́тъ на твёрдой по́чвѣ : онъ зна́етъ своё дѣ́ло, и что́ бы ни случи́лось, не бу́детъ въ отвѣ́тѣ. Посмотри́те на меня́ : кто тру́дится бо́льше моего́ ? Кто цѣ́лые дни безъ о́тдыха ката́етъ тако́й тяжёлый шаръ — шаръ, мно́ю же столь иску́сно со́зданный изъ навоза, съ вели́кой цѣ́лью дать возмо́жность вы́расти но́вымъ, подо́бнымъ мнѣ, навозны́мъ жука́мъ? Но зато́ не ду́маю, что́бы кто́-нибудь былъ такъ споко́енъ со́вѣстью и съ чи́стымъ се́рдцемъ могъ бы сказа́ть : „ да, я сдѣ́лалъ всё, что могъ и до́лженъ былъ сдѣ́лать“, какъ скажу́ я, когда́ на свѣтъ я́вятся но́вые навозные жуки́. Во́тъ что зна́читъ трудъ!

— Поди́ ты, бра́тецъ, съ свои́мъ трудо́мъ ! — сказа́лъ мураве́й, притащи́вшій во вре́мя рѣ́чи навозна́го жука́, несмотря́ на жару́, чудо́вищный кусо́къ сухо́го сте́бля. Онъ на мину́ту останови́лся, присѣ́лъ на четы́ре

за́днія но́жки, а двумя́ пере́дними отёръ потъ съ своего́ изму́ченнаго лица́, — И я вѣдь тружу́сь, и побо́льше твоего́ ! Но ты рабо́таешь для себя́, и́ли, всё равно́, для своихъ жученя́тъ ; не всѣ такъ сча́стливы . . . попро́бовалъ бы ты потаска́ть брёвна для казны́, вотъ какъ я. Я и самъ не зна́ю, что̀ заставля́етъ меня́ рабо́тать, выбива́ясь изъ силъ, да́же и въ таку́ю жару́ . . . Никто́ за э́то и спаси́бо не ска́жетъ. Мы, несча́стные рабо́чіе муравьи́, всѣ тру́димся, а чѣмъ красна́ на́ша жизнь ? Судьба́ ! . . .

— Вы, навозный жукъ, сли́шкомъ су́хо, а вы, муравьи́, сли́шкомъ мра́чно смо́трите на жизнь, — возрази́лъ имъ кузне́чикъ. — Нѣтъ, жукъ, я люблю́-таки потреща́ть и попры́гать, и ничего́ — со́вѣсть не му́читъ ! Да прито́мъ вы ниско́лько не коснули́сь вопро́са, поста́вленнаго г-жей я́щерицей : она́ спроси́ла : „что̀ есть міръ“, а вы говори́те о своёмъ навозномъ ша́рѣ : э́то да́же невѣжливо. Міръ, по мо́ему, о́чень

хоро́шая вещь уже́ потому́, что въ нёмъ есть для насъ молода́я тра́вка, со́лнце и вѣтеро́къ. Да и вели́къ же онъ! Вы здѣсь, ме́жду э́тими дере́вьями, не мо́жете имѣть никако́го поня́тія о томъ, какъ онъ вели́къ. Когда́ я быва́ю въ по́лѣ, я иногда́ вспры́гиваю, какъ то́лько могу́, вверхъ и, увѣря́ю васъ, достига́ю огро́мной высоты́. И съ нея́то я ви́жу, что ми́ру нѣтъ конца́.

— Вѣрно, — глубокомы́сленно подтвердилъ гнѣдо́й. — Но всѣмъ вамъ всё-таки не уви́дѣть и со́той ча́сти того́, что̀ ви́дѣлъ на своёмъ вѣку́ я. Жаль, что вы не мо́жете поня́ть, что́ тако́е верста́. . . . За версту́ отсю́да есть дере́вня Лупарёвка: туда́ я ка́ждый день ѣзжу съ бо́чкой за водо́й. Но тамъ меня́ никогда́ не ко́рмятъ. А съ друго́й стороны́ Ефи́мовка, Кисляко́вка; въ ней це́рковь съ колоколами. А пото́мъ Свя́то-Тро́ицкое, а пото́мъ Богоявле́нскъ. Въ Богоявле́нскѣ мнѣ всегда́ даю́тъ сѣна, но сѣно тамъ плохо́е. А вотъ въ Никола́евѣ —

э́то тако́й го́родъ, два́дцать во́семь вёрстъ отсю́да — такъ тамъ сѣно лу́чше и овёсъ даю́тъ, то́лько я не люблю́ туда́ ѣздить : туда́ ѣздитъ на насъ ба́ринъ и вели́тъ ку́черу погоня́ть, а ку́черъ бо́льно стега́етъ насъ кнуто́мъ. . . . А то есть ещё Алекса́ндровка, Бѣлозе́рка, Херсо́нъ — го́родъ то́же. . . . Да то́лько куда́ вамъ поня́ть всё э́то ! Вотъ э́то-то и есть міръ; не весь, поло́жимъ, ну, да всё-таки значи́тельная часть.

И гнѣдо́й замолча́лъ, но ни́жняя губа́ у него́ всё ещё шевели́лась, то́чно онъ что́-нибудь шепта́лъ. Э́то происходи́ло отъ ста́рости : ему́ былъ уже́ семна́дцатый годъ, а для ло́шади э́то всё равно́, что для челове́ка се́мьдесятъ седьмо́й.

— Я не понима́ю ва́шихъ мудрёныхъ лошади́ныхъ словъ, да, призна́ться, и не гонюсь за ни́ми, — сказа́ла ули́тка. — Мнѣ былъ бы лопу́хъ, а его́ дово́льно: вотъ уже́ я четы́ре дня ползу́, а онъ всё ещё не конча́ется. А за э́тимъ лопухо́мъ есть ещё

лопу́хъ, а въ томъ лопухѣ́ навѣ́рно сиди́тъ ещё ули́тка. Вотъ вамъ и всё. И пры́гать никуда́ не ну́жно — всё э́то вы́думки и пустяки́ ; сиди́ себѣ́ да ѣшь листъ, на кото́ромъ сиди́шь. Е́сли бы не лѣнь ползти́, давно́ бы ушла́ отъ васъ съ ва́шими разгово́рами : отъ нихъ голова́ боли́тъ, и бо́льше ничего́.

— Нѣтъ, позво́льте, отчего́ же ? — переби́лъ кузне́чикъ — потреща́ть о́чень прія́тно, осо́бенно о таки́хъ хоро́шихъ предме́тахъ, какъ безконе́чность и про́чее тако́е. Коне́чно, есть практи́ческія нату́ры, кото́рыя то́лько и забо́тятся о томъ, какъ бы наби́ть себѣ́ живо́тъ, какъ вы, и́ли вотъ э́та преле́стная гу́сеница. . . .

— Ахъ, нѣтъ, оста́вьте меня́, прошу́ васъ, оста́вьте, не тро́ньте меня́ ! — жа́лобно воскли́кнула гу́сеница — я дѣ́лаю э́то для бу́дущей жи́зни, то́лько для бу́дущей жи́зни.

— Для како́й тамъ ещё бу́дущей жи́зни ? — спроси́лъ гнѣдо́й.

— Ра́звѣ вы не зна́ете, что я по́слѣ сме́рти сдѣ́лаюсь ба́бочкой съ разноцвѣ́тными кры́льями ?

Гнѣдо́й, я́щерица и ули́тка э́того не зна́ли, но насѣко́мыя имѣ́ли ко́е-како́е поня́тіе. И всѣ немно́го помолча́ли, потому́ что никто́ не умѣ́лъ сказа́ть ничего́ пу́тнаго о бу́дущей жи́зни.

— Къ твёрдымъ убѣжде́ніямъ ну́жно относи́ться съ уваже́ніемъ, — затреща́лъ наконе́цъ кузне́чикъ. — Не жела́етъ ли кто сказа́ть ещё что́-нибудь ? Мо́жетъ быть, вы ? — обрати́лся онъ къ му́хамъ. И ста́ршая изъ нихъ отвѣ́тила :

— Мы не мо́жемъ сказа́ть, что́бы намъ бы́ло ху́до. Мы сейча́съ то́лько изъ ко́мнатъ ; ба́рыня разста́вила въ ми́скахъ ва́ренное варе́нье, и мы забрали́сь подъ кры́шку и наѣ́лись. Мы дово́льны. На́ша ма́менька увя́зла въ варе́ньѣ, но что-жъ дѣ́лать ? Она́ уже́ дово́льно пожила́ на свѣ́тѣ. А мы дово́льны.

— Господа́, — сказа́ла я́щерица — я ду́маю, что всѣ вы соверше́нно пра́вы! Но, съ друго́й стороны́. . . .

Но я́щерица такъ и не сказа́ла, что̀ бы́ло съ друго́й стороны́, потому́ что почу́вствовала, какъ что́-то кр̀ѣпко прижа́ло ея́ хвостъ къ землѣ.

Э́то пришёлъ за гнѣды́мъ просну́вшійся ку́черъ Анто́нъ; онъ нечая́нно наступи́лъ свои́мъ сапожи́щемъ на компа́нію и раздави́лъ её. Однѣ му́хи улетѣли обса́сывать свою́ мёртвую, обма́занную варе́ньемъ ма́меньку, да я́щерица убѣжа́ла съ отóрваннымъ хвосто́мъ. Анто́нъ взялъ гнѣдо́го за чубъ и повёлъ его́ изъ са́да, что́бы запря́чь въ бо́чку и ѣхать за водо́й, при чёмъ приговáривалъ: „ну, иди́, ты, хвостя́ка!“ на что гнѣдо́й отвѣча́лъ то́лько шепта́ньемъ.

А я́щерица оста́лась безъ хвоста́. Пра́вда, че́резъ нѣсколько вре́мени онъ вы́росъ, но навсегда́ оста́лся каки́мъ-то тупы́мъ и черновáтымъ. И когда́ я́щерицу спра́шивали,

какъ она́ повреди́ла себѣ́ хвостъ, то она́ скро́мно отвѣча́ла:

— Мнѣ оторва́ли его́ за то, что я рѣши́лась вы́сказать свои́ убѣжде́нія.

И она́ была́ соверше́нно права́.

ВСТРѢЧА.

На деся́тки вёрстъ протяну́лась широ́кая и дрожа́щая серебряная полоса́ лу́ннаго свѣта; остально́е мо́ре бы́ло чёрно; до стоя́вшаго на высотѣ доходи́лъ пра́вильный, глухо́й шумъ раска́тывавшихся по песча́ному бе́регу волнъ; ещё бо́лѣе чёрные, чѣмъ са́мое мо́ре, силуэ́ты судо́въ пока́чивались на ре́йдѣ; оди́нъ огро́мный парохо́дъ (вѣроя́тно, „англійскій", поду́малъ Васи́лій Петро́вичъ) помѣсти́лся въ свѣтлой полосѣ луны́ и шипѣлъ свои́ми пара́ми, выпуска́я ихъ клочкова́той, та́ющей въ во́здухѣ струёй; съ мо́ря несло́ сыры́мъ и солёнымъ во́здухомъ. Васи́лій Петро́вичъ, до сихъ поръ не вида́вшій ничего́ подо́бнаго, съ удово́льствіемъ смотрѣлъ на мо́ре, лу́нный свѣтъ, парохо́ды, корабли́ и ра́достно, въ пе́рвый разъ въ жи́зни, вдыха́лъ морско́й во́здухъ. Онъ до́лго наслажда́лся но́выми

для него́ ощуще́ніями, повернýвшись спино́й къ го́роду, въ кото́рый пріѣ́халъ то́лько сего́дня и въ кото́ромъ до́лженъ былъ жить мно́гіе и мно́гіе го́ды. За нимъ пёстрая толпа́ пу́блики гуля́ла по бульва́ру, слы́шалась то ру́сская, то нерýсская рѣчь, то чи́нные и ти́хіе голоса́ мѣ́стныхъ почте́нныхъ осо́бъ, то щебета́нье ба́рышень, гро́мкіе и весёлые голоса́ взро́слыхъ гимнази́стовъ, ходи́вшихъ ку́чками о́коло двухъ или трёхъ изъ нихъ. Взрывъ хо́хота въ одно́й изъ таки́хъ группъ заста́вилъ Васи́лія Петро́вича оберну́ться. Весёлая гурьба́ шла ми́мо; оди́нъ изъ ю́ношей говори́лъ что́-то моло́денькой гимнази́сткѣ, това́рищи шумѣ́ли и перебива́ли его́ горя́чую и, повѝдимому, оправда́тельную рѣчь.

— Не вѣ́рьте, Ни́на Петро́вна! Всё врётъ! Выду́мываетъ!

— Да пра́во же, Ни́на Петро́вна, я ниско́лько не винова́тъ!

— Е́сли вы, Шевырёвъ, ещё когда́-нибудь

вздýмаете меня́ обма́нывать . . . — принуждённо чи́ннымъ молоды́мъ го́лосомъ заговори́ла дѣвушка. Конца́ Васи́лій Петро́вичъ не дослы́шалъ, потому́ что гурьба́ прошла́ ми́мо. Че́резъ полмину́ты изъ темноты́ вновь послы́шался взрывъ смѣха.

„ Вотъ она́, моя́ бу́дущая ни́ва, на кото́рой я, какъ скро́мный па́харь, бу́ду рабо́тать “, — поду́малъ Васи́лій Петро́вичъ, во пе́рвыхъ, потому́, что онъ былъ назна́ченъ учи́телемъ въ мѣ́стную гимна́зію, а во вторы́хъ, потому́, что люби́лъ фигура́льную фо́рму мы́сли, да́же когда́ не выска́зывалъ её вслухъ. „ Да, придётся рабо́тать на э́томъ скро́мномъ по́прищѣ, — поду́малъ онъ, вновь садя́сь на скамью́ лицо́мъ къ мо́рю. — Гдѣ мечты́ о профессу́рѣ, о публици́стикѣ, о гро́мкомъ и́мени ? Не хвати́ло по́роху, братъ Васи́лій Петро́вичъ, на всѣ э́ти затѣи ; попро́буй-ка здѣсь порабо́тать ! “

И краси́выя и прія́тныя мы́сли зашеве-

ли́лись въ головѣ но́ваго учи́теля гимна́зіи. Онъ ду́малъ о томъ, какъ онъ бу́детъ съ пе́рвыхъ кла́ссовъ гимна́зіи ага́дывать „ и́скру Бо́жію “ въ ма́льчикахъ ; какъ бу́детъ поддержи́вать натуры, „ стремя́щіяся сбро́сить съ себя́ и́го тьмы “ ; какъ подъ его́ надзо́ромъ бу́дутъ развива́ться молоды́я, свѣ́жія си́лы „ чу́ждыя жите́йской гря́зи “ ; какъ, наконе́цъ, изъ его́ ученико́въ совре́менемъ мо́гутъ вы́йти замѣча́тельные лю́ди. . . . Да́же такія карти́ны рисова́лись въ его́ воображе́ніи : сиди́тъ онъ, Васи́лій Петро́вичъ, уже́ ста́рый, сѣдо́й учи́тель, у себя́, въ своей скро́мной кварти́рѣ, и посѣща́ютъ его́ бы́вшіе его́ ученики́, и оди́нъ изъ нихъ — профе́ссоръ тако́го-то университе́та, извѣ́стный „ у насъ и въ Евро́пѣ “, друго́й — писа́тель, знамени́тый романи́стъ, тре́тій — обще́ственный дѣятель, то́же извѣ́стный. И всѣ они́ отно́сятся къ нему́ съ уваже́ніемъ. „ Э́то ва́ши до́брыя сѣмена́, запа́вшія въ мою́ ду́шу, когда́ я былъ ма́льчикомъ, сдѣ-

лали изъ меня́ человѣка, уважа́емый Васи́лій Петро́вичъ ", — говори́тъ обще́ственный дѣятель и съ чу́вствомъ жмётъ ру́ку своему́ ста́рому учи́телю. . . .

Впро́чемъ, Васи́лій Петро́вичъ не до́лго занима́лся таки́ми возвы́шенными предме́тами ; ско́ро мысль его́ перешла́ на ве́щи, непосре́дственно каса́вшіяся его́ настоя́щаго положе́нія. Онъ вы́нулъ изъ карма́на но́вый бума́жникъ и, пересчита́въ свои́ де́ньги, на́чалъ размышля́ть о томъ, ско́лько у него́ оста́нется за покры́тіемъ всѣхъ необходи́мыхъ расхо́довъ. ,, Какъ жаль, что я такъ необду́манно тра́тилъ де́ньги доро́гою — поду́малъ онъ. — Кварти́ра . . . ну, поло́жимъ, рубле́й два́дцать въ мѣсяцъ, столъ, бѣлье́, чай, таба́къ. . . . Ты́сячу рубле́й въ полго́да, во вся́комъ слу́чаѣ, сберегу́. Навѣрно, здѣсь мо́жно бу́детъ доста́ть уро́ки по хоро́шей цѣнѣ, э́такъ рубля́ по четы́ре, по пяти́ ". . . . Чу́вство дово́льства охвати́ло его́, и ему́ захотѣлось полѣзть въ карма́нъ,

гдѣ лежа́ли два рекоменда́тельныхъ письма́ на и́мя мѣ́стныхъ тузо́въ, и въ два́дцатый разъ перече́сть ихъ а́дресы. Онъ вы́нулъ пи́сьма, бе́режно развернулъ бума́гу, въ которой они́ бы́ли завёрнуты, но проче́сть а́дресы ему́ не удало́сь, потому́ что лу́нный свѣтъ не́ былъ доста́точно си́ленъ, что́бы доста́вить Васи́лію Петро́вичу э́то удово́льствіе. Вмѣстѣ съ пи́сьмами была́ завёрнута фотографи́ческая ка́рточка. Васи́лій Петро́вичъ повернулъ её пря́мо къ мѣ́сяцу и старался разсмотрѣть знако́мыя черты́. „О, моя́ Ли́за!“ проговори́лъ онъ почти́ вслухъ — и вздохну́лъ не безъ прія́тнаго чу́вства. Ли́за была́ его́ невѣ́ста, оста́вшаяся въ Петербу́ргѣ и ожида́вшая, пока́ Васи́лій Петро́вичъ не ско́питъ ты́сячи рубле́й, кото́рую молода́я чета́ счита́ла необходи́мою для первонача́льнаго обзаве́нія.

Вздохну́въ, онъ спря́талъ въ лѣ́вый боково́й карма́нъ ка́рточку и пи́сьма и при-

нялся́ мечта́ть о бу́дущей семе́йной жи́зни. И э́ти мечты́ показа́лись ему́ ещё прія́тнѣе, чѣмъ да́же мечты́ объ обще́ственномъ дѣя́телѣ, кото́рый прі́ѣдетъ къ нему́ благодари́ть за посѣянныя въ его́ се́рдце до́брыя сѣмена́.

Мо́ре шумѣ́ло далеко́ внизу́, вѣ́теръ становѝлся свѣжѣ́е. А́нглійскій парохо́дъ вы́шелъ изъ полосы́ лу́ннаго свѣ́та, и она́ блестѣ́ла сплошна́я и переливала́сь ты́сячами ма́тово-блестя́щихъ всплёсковъ, уходя́ въ безконе́чную морску́ю даль и становя́сь всё я́рче и я́рче. Не хотѣ́лось встать со скамьи́, оторва́ться отъ э́той карти́ны и идти́ въ тѣ́сный но́меръ гости́нницы, въ кото́ромъ останови́лся Васи́лій Петро́вичъ. Одна́ко, бы́ло уже́ по́здно ; онъ всталъ и пошёлъ вдоль по бульва́ру.

Господи́нъ, въ лёгкомъ костю́мѣ изъ шёлковой сырцо́вой матеріи и въ соло́менной шля́пѣ, съ навёрнутымъ на тулью́ кисе́йнымъ полоте́нцемъ (лѣ́тній костю́мъ мѣ́ст-

ныхъ щёголей), всталъ со скамéйки, мúмо котóрой проходúлъ Васúлій Петрóвичъ, и сказáлъ :

— Позвóльте закурúть.

— Сдѣлайте одолжéніе, — отвѣтилъ Васúлій Петрóвичъ. Крáсный óтблескъ озарúлъ знакóмое емý лицó.

— Николáй, другъ мой ! Ты ли э́то?

— Васúлій Петрóвичъ?

— Онъ сáмый. . . . Ахъ, какъ я радъ ! Вотъ не дýмалъ, не гадáлъ ! — говорúлъ Васúлій Петрóвичъ, заключáя дрýга въ объя́тія и троекрáтно лобзáя егó. — Какúми судьбáми?

— Óчень прóсто, на слýжбѣ. А ты какъ ?

— Я учúтелемъ гимнáзіи сюдá назнáченъ. Тóлько что пріѣхалъ.

— Гдѣ же ты остановúлся ? Е́сли въ гостúницѣ, ѣдемъ пожáлуйста ко мнѣ. Я óчень радъ вúдѣть тебя́. У тебя́ вѣдь нѣтъ здѣсь знакóмыхъ ? Поѣдемъ ко мнѣ, поýжинаемъ, поболтáемъ, вспóмнимъ старúну.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, — согласи́лся Васи́лій Петро́вичъ. — Я о́чень, о́чень радъ. Пріѣхалъ сюда́ какъ въ пусты́ню — и вдругъ така́я ра́достная встрѣча. Изво́зчикъ! — закрича́лъ онъ.

— Не ну́жно, не кричи́. Сергѣй, дава́й! — гро́мко и споко́йно произнёсъ другъ Васи́лія Петро́вича. Къ тротуа́ру подкати́ла щегольска́я коля́ска; хозя́инъ вскочи́лъ въ неё, Васи́лій Петро́вичъ стоя́лъ на тротуа́рѣ и въ недоумѣніи смотрѣлъ на экипа́жъ, воронны́хъ коне́й и то́лстаго ку́чера.

— Кудря́шевъ, э́ти ло́шади — твои́?

— Мои́, мои́. Что, не ожида́лъ?

— Удиви́тельно. . . . Ты ли э́то?

— Кто же другой, какъ не я? Ну, полѣза́й въ коля́ску, ещё успѣемъ поговори́ть.

Васи́лій Петро́вичъ влѣзъ въ коля́ску, усѣлся ря́домъ съ Кудря́шевымъ, и коля́ска покати́лась, дребезжа́ и подска́кивая по мостово́й. Васи́лій Петро́вичъ сидѣлъ на

мя́гкихъ поду́шкахъ и, пока́чиваясь, улыбну́лся. „Что за при́тча! — ду́малъ онъ.— Давно́ ли Кудря́шевъ былъ бѣднѣ́йшимъ студе́нтомъ, а тепе́рь — коля́ска!“ Кудря́шевъ, положи́въ вы́тянутыя но́ги на пере́днюю скаме́йку, молча́лъ и кури́лъ сига́ру. Че́резъ пять мину́тъ экипа́жъ останови́лся.

— Ну, бра́тецъ, выходи́. Покажу́ тебѣ́ мою́ скро́мную хи́жину — сказа́лъ Кудря́шевъ, сойдя́ съ подно́жки и помога́я Васи́лію Петро́вичу вы́лѣзть.

Пре́жде чѣмъ войти́ въ скро́мную хи́жину, гость оки́нулъ её взгля́домъ. Луна́ была́ за не́ю и не освѣща́ла её, поэ́тому онъ могъ замѣ́тить то́лько, что хи́жина была́ одноэта́жная, ка́менная, въ де́сять и́ли двѣна́дцать больши́хъ о́конъ. Зо́нтикъ на колóнкахъ съ завитка́ми, ко́е-гдѣ́ позоло́ченными, висѣ́лъ надъ две́рью изъ тяжёлаго ду́ба съ зерка́льными стёклами, бро́нзовой ру́чкой, въ ви́дѣ пти́чьей ла́пы, де́ржащей

хрустáльный многогрáнникъ, и блестя́щей мѣ́дной доскóй съ фамúліей хозя́ина.

— Однáко, хи́жина у тебя́, Кудря́шевъ! Э́то не хи́жина, а такъ сказáть, палáццо — сказáлъ Васúлій Петрóвичъ, когдá онú вошлú въ перéднюю съ дубóвой мéбелью и зія́вшимъ чёрною пáстью камúномъ. — Неужéли сóбственная?

— Нѣтъ, братъ, до э́того ещё не дошлó. Нанимáю. Недóрого, полторы́ ты́сячи.

— Полторы́! — протянýлъ Васúлій Петрóвичъ.

— Вы́годнѣе платúть полторы́ ты́сячи, чѣмъ затрáтить капитáлъ, котóрый мóжетъ дать горáздо бóльшій процéнтъ, éсли не обращёнъ въ недви́жимость. Да и дéнегъ мнóго нýжно: вѣдь ужъ éсли стрóить, такъ не э́такую дрянь.

— Дрянь! — воскли́кнулъ въ изумлéніи Васúлій Петрóвичъ.

— Конéчно, домъ невáжный. Ну, пойдёмъ, пойдёмъ скорѣе. . . .

Васи́лій Петро́вичъ успѣлъ уже́ снять пальто́ и напра́вился за хозя́иномъ. Обстано́вка кварти́ры Кудря́шева дала́ но́вую пи́щу его́ удивле́нію. Цѣлый рядъ высо́кихъ ко́мнатъ съ паркѣтными пола́ми, окле́енныхъ дороги́ми, ти́снеными зо́лотомъ, обо́ями; столо́вая „подъ дубъ“ съ развѣшанными по стѣна́мъ плохи́ми моде́лями ди́чи, съ огро́мнымъ рѣзны́мъ буфе́томъ, съ больши́мъ кру́глымъ столо́мъ, на кото́рый ли́лся цѣлый пото́къ свѣта изъ вися́чей бро́нзовой ла́мпы съ моло́чнымъ абажу́ромъ; залъ съ роя́лемъ, мно́жествомъ ра́зной ме́бели изъ гну́таго бу́ка, дива́нчиковъ, скаме́екъ, табуре́токъ, сту́льевъ, съ дороги́ми литогра́фіями и сквѣ́рными олеогра́фіями въ раззоло́ченныхъ ра́махъ; гости́ная, какъ во́дится, съ шёлковою ме́белью и ку́чей нену́жныхъ вещѣ́й. Каза́лось, хозя́инъ кварти́ры вдругъ разбогатѣлъ, вы́игралъ двѣсти ты́сячъ, что-ли, и на ско́рую ру́ку устро́илъ себѣ́ кварти́ру на широ́кую но́гу. Всё бы́ло ку́плено сра́зу,

ку́плено не потому́, что бы́ло ну́жно, а потому́, что въ карма́нѣ зашевели́лись де́ньги, наше́дшія себѣ вы́ходъ для поку́пки роя́ля, на кото́ромъ, наско́лько зналъ Васи́лій Петро́вичъ, Кудря́шевъ могъ игра́ть то́лько одни́мъ па́льцемъ ; скве́рной ста́рой карти́ны, одно́й изъ деся́тковъ ты́сячъ, припи́сываемыхъ второстепе́нному фламандскому ма́стеру, на кото́рую навѣрно никто́ не обраща́лъ внима́нія ; ша́хматовъ китайской рабо́ты, въ кото́рые нельзя́ бы́ло игра́ть, такъ они́ бы́ли то́нки и возду́шны, но въ голо́вкахъ у кото́рыхъ бы́ло вы́точено по три ша́рика, заключённыхъ оди́нъ въ друго́й, и мно́жества други́хъ ненужныхъ вещей.

Друзья́ вошли́ въ кабине́тъ. Здѣсь бы́ло удо́бнѣе. Большо́й пи́сьменный столъ, заста́вленный ра́зною бро́нзовою и фарфо́ровою ме́лочью, зава́ленный бума́гами, черте́жными и рисова́льными принадле́жностями, занима́лъ середи́ну ко́мнаты. По

стѣна́мъ висѣли огро́мные раскра́шенные чертежи́ и географи́ческія ка́рты, а подъ ни́ми стоя́ли два ни́зенькихъ туре́цкихъ дива́на съ шёлковыми мутака́ми. Кудря́шевъ, обня́въ Васи́лія Петро́вича за та́лію, повёлъ его́ пря́мо къ дива́ну и усади́лъ на мя́гкихъ тюфяка́хъ.

— Ну, о́чень радъ, о́чень радъ встрѣтить ста́раго това́рища, — сказа́лъ онъ.

— Я то́же. . . . Зна́ешь ли, пріѣхалъ, какъ въ пусты́ню, и вдругъ така́я встрѣча! Зна́ешь ли, Никола́й Константи́новичъ, при ви́дѣ тебя́ такъ мно́го зашевели́лось въ душѣ, такъ мно́го воскре́сло въ па́мяти воспомина́ній. . . .

— О чёмъ э́то?

— Какъ о чёмъ? О студе́нчествѣ, о вре́мени, когда́ жи́лось такъ хорошо́, е́сли не въ матеріа́льномъ, то въ нра́вственномъ отноше́ніи. . . . По́мнишь. . . .

— Что́ по́мнить-то? Какъ мы съ тобо́ю соба́чью колбасу́ жра́ли? Бу́детъ, братъ,

надоѣло. . . . Сига́ру хо́чешь? Regalia Imperialia, и́ли какъ тамъ её ; зна́ю то́лько, что полти́нникъ шту́ка.

Васи́лій Петро́вичъ взялъ изъ я́щика предлага́емую драгоцѣнность, вы́нулъ изъ карма́на но́жичекъ, обрѣзалъ ко́нчикъ сига́ры, закури́лъ её и сказа́лъ :

— Никола́й Константи́новичъ, я рѣши́тельно какъ во снѣ. Каки́хъ-нибудь нѣсколько лѣтъ — и у тебя́ тако́е мѣсто !

— Что мѣсто ! Мѣсто, братъ, плюнь да отойди́.

— Какъ же э́то ? Да ты ско́лько получа́ешь?

— Каки́хъ? Жа́лованья?

— Ну, да, содержа́нія.

— Жа́лованья получа́ю я, инжене́ръ, губе́рнскій секрета́рь Кудря́шевъ 2-й — ты́сячу шестьсо́тъ рубле́й въ годъ.

У Васи́лія Петро́вича вы́тянулось лицо́.

— Какъ же э́то? Отку́да э́то всё?

— Эхъ, братъ, простота́ ты ! Отку́да?

Изъ водꙑ и земли́, изъ мо́ря и су́ши. А гла́вное, вотъ отку́да.

И онъ ткнулъ себя́ указа́тельнымъ па́льцемъ въ лобъ.

— Ви́дишь вонъ э́ти карти́нки, что̀ по стѣна́мъ вися́тъ?

— Ви́жу, — отвѣ́тилъ Васи́лій Петро́вичъ : — что же да́льше?

— Зна́ешь ли, что э́то?

— Нѣтъ, не зна́ю. — Васи́лій Петро́вичъ всталъ съ дива́на и подошёлъ къ стѣнѣ. Си́няя, кра́сная, бу́рая и чёрная кра́ски ничего́ не говори́ли его́ уму́, равно́ какъ и каки́я-то таи́нственныя ци́фры о́коло то́чеными лини́й, сдѣ́ланныя кра́сными черни́лами.

— Что́ это тако́е? Чертежи́?

— Чертежи́-то чертежи́, но чего́ ?

— Пра́во, другъ мой, не зна́ю.

— Чертежи́ э́ти изобража́ютъ, милѣ́йшій Васи́лій Петро́вичъ, бу́дущій молъ. Зна́ешь, что́ тако́е молъ?

— Ну, коне́чно. Вѣдь я всё-таки учи́тель ру́сскаго языка́. Молъ — э́то така́я . . . какъ бы сказа́ть . . . ну, плоти́на, что-ли. . . .

— И́менно плоти́на. Плоти́на, слу́жащая для образова́нія иску́сственной га́вани. На э́тихъ чертежа́хъ изображёнъ молъ, кото́рый тепе́рь стро́ится. Ты ви́дѣлъ мо́ре све́рху?

— Какъ же, коне́чно! Необыкнове́нная карти́на! Но постро́екъ я не замѣ́тилъ.

— Мудрёно и замѣ́тить, — сказа́лъ Кудря́шевъ со смѣ́хомъ. — Э́тотъ молъ почти́ весь не въ мо́рѣ, Васи́лій Петро́вичъ, а здѣсь, на су́шѣ.

— Гдѣ же э́то?

— Да вотъ у меня́ и у про́чихъ строи́телей: у Кно́блоха, Пуйцико́вскаго и у про́чихъ. Э́то ме́жду на́ми, коне́чно: тебѣ́ я говорю́ э́то, какъ това́рищу. Что ты такъ уста́вился на меня́? Дѣ́ло са́мое обыкнове́нное.

— Послу́шай, э́то наконе́цъ ужа́сно! Неуже́ли ты говори́шь пра́вду? Неуже́ли

ты не брезгаешь нечистыми средствами для достиженія этого комфорта ? Неужели всё прошлое служило только для того, чтобъ довести тебя до . . . до. . . . И ты такъ спокойно говоришь объ этомъ. . . .

— Стой, стой, Василій Петровичъ ! Пожалуйста, безъ сильныхъ выраженій. Ты говоришь : ,, нечестныя средства? “ Ты мнѣ скажи сперва, что̀ значитъ честно и что̀ значитъ нечестно. Самъ я не знаю ; быть можетъ, забылъ, а думаю, что и не помнилъ ; да сдаётся мнѣ и ты, собственно говоря, не помнишь, а такъ только напяливаешь на себя какой-то мундиръ. Да и вообще, ты это оставь ; прежде всего, это невѣжливо. Уважай свободу сужденія. Ты говоришь — нечестно ; говори, пожалуй, но не брани меня ; вѣдь я не ругаю тебя за то, что ты не одного со мною мнѣнія. Всё дѣло, братъ, во взглядѣ, въ точкѣ зрѣнія, а такъ какъ ихъ много, точекъ этихъ, то плюнемъ мы на это дѣло и пойдёмъ въ столовую водку

пить и о пріятныхъ предметахъ разговаривать.

— Ахъ, Николай, Николай, больно мнѣ смотрѣть на тебя.

— Это ты можешь; можешь душою болѣть, сколько тебѣ угодно. Пусть будетъ больно; пройдётъ! Приглядишься. Присмотришься, самъ скажешь: „какая я однако телятина“; такъ и скажешь, помни моё слово. Пойдёмъ-ка, выпьемъ по рюмочкѣ и забудемъ о заблудшихъ инженерахъ; на то и мозги, дружище, чтобы заблуждаться. . . . Вѣдь ты, учитель мой любезный, сколько будешь получать, а?

— Тебѣ всё равно.

— Ну, напримѣръ?

— Ну, тысячи три заработаю съ частными уроками.

— Вотъ видишь: за три-то тысячи таскаться всю жизнь по урокамъ! А я сижу себѣ да посматриваю: хочу — дѣлаю, хочу — нѣтъ; если бы фантазія пришла хоть

цѣлый день въ потолокъ плевáть, и то мóжно. А дéнегъ . . . дéнегъ стóлько, что онѣ — „ вещь для насъ пустáя “.

Въ столóвой, кудá онú вошлú, всё бы́ло готóво для у́жина. Холóдный рóстбифъ возвышáлся рóзовой горóй. Бáнки съ консéрвами пестрѣли разноцвѣтными áнглійскими нáдписями и я́ркими рисýнками. Цѣлый рядъ бутылокъ воздвигáлся на столѣ. Прія́тели вы́пили по рю́мкѣ вóдки и приступи́ли къ у́жину. Кудря́шевъ ѣлъ мéдленно и съ разстановкою ; онъ совершéнно углуби́лся въ своё заня́тіе.

Васи́лій Петрóвичъ ѣлъ и дýмалъ, дýмалъ и ѣлъ. Онъ былъ въ большóмъ смущéніи и рѣши́тельно не зналъ, какъ емý быть. По прúнятымъ имъ убѣжде́ніямъ, онъ дóлженъ былъ бы поспѣшно скры́ться изъ дóма своегó стáраго товáрища и никогдá въ негó бóльше не загля́дывать. „ Вѣдь э́тотъ кусóкъ — крáденый, — дýмалъ онъ, положúвъ себѣ въ ротъ кусóкъ и прихлёбывая подли́тое

обяза́тельнымъ хозя́иномъ вино́; — а самъ что я дѣ́лаю, какъ не по́длость?“ Мно́го таки́хъ опредѣле́ній шевели́лось въ головѣ́ бѣ́днаго учи́теля, но опредѣле́нія такъ и остава́лись опредѣле́ніями, а за ни́ми скрыва́лся како́й-то та́йный го́лосъ, возража́вшій на ка́ждое опредѣле́ніе: „ну, такъ что-жъ?“ И Васи́лій Петро́вичъ чу́вствовалъ, что онъ не въ состоя́ніи разрѣши́ть э́тотъ вопро́съ, и продолжа́лъ сидѣ́ть. „Ну, что-жъ, бу́ду наблюда́ть, — мелькну́ло у него́ въ головѣ́ въ ви́дѣ оправда́нія, по́слѣ чего́ онъ и самъ пе́редъ собо́й сконфу́зился — для чего́ мнѣ наблюда́ть, писа́тель я, что-ли?“

— Э́такого мя́са, — на́чалъ Кудря́шевъ, — ты обрати́ внима́ніе, не доста́нешь въ цѣ́ломъ го́родѣ. — И онъ разсказа́лъ Васи́лію Петро́вичу дли́нную исто́рію о томъ, какъ онъ обѣ́далъ у Кно́блоха, какъ его́ поразили́ъ свои́мъ досто́инствомъ по́данный ро́стбифъ, какъ онъ узна́лъ, отку́да

доставáть такóй, и какъ наконéцъ достáлъ.

— Ты попáлъ какъ разъ кстáти, — сказáлъ онъ въ заключéніе разскáза о мясѣ. — Ѣдáлъ ли ты что́-нибудь подóбное?

— Дѣйствúтельно, рóстбифъ отлúчный,— отвѣ́тилъ Васúлій Петрóвичъ.

— Превосхóдный, брáтецъ! Я люблю́, что́бы всё бы́ло, какъ слѣ́дуетъ. Да что ты не пьёшь? Постóй, вотъ я тебѣ́ налью́ винá.

Послѣ́довала не мéнѣе длúнная истóрія о винѣ́, въ котóрой учáствовали и áнглійскій шкúперъ, и торгóвый домъ въ Лóндонѣ, и тотъ же Кнóблохъ, и тамóжня. Разскáзывая о винѣ́, Кудря́шевъ попивáлъ егó и, по мѣ́рѣ того́, какъ пилъ, оживля́лся. На щекáхъ егó вя́лаго лицá обозначáлись румя́ныя пя́тна, рѣчь становúлась быстрѣе и оживлённѣе.

— Да что-жъ ты молчúшь наконéцъ? — спросúлъ онъ Васúлія Петрóвича, котóрый

дѣйстви́тельно упо́рно молча́лъ, выслу́шивая эпопе́и о мя́сѣ, винѣ, сы́рѣ и про́чихъ благода́тяхъ, украша́вшихъ собо́ю столъ инжене́ра.

— Такъ, братъ, не говори́тся что́-то.

— Не говори́тся . . . вотъ вздоръ ! Ты, я ви́жу, всё ещё ки́снешь по по́воду моего́ призна́нія. Жалѣю, о́чень жалѣю, что сказа́лъ ; съ больши́мъ бы удово́льствіемъ поу́жинали, е́слибъ не э́тотъ прокля́тый молъ. . . . Да ты лу́чше не ду́май объ э́томъ, Васи́лій Петро́вичъ, брось. . . . А? Ва́сенька, плюнь, пра́во ! Что-жъ дѣлать, бра́тецъ, не оправда́лъ я наде́ждъ. Жизнь не шко́ла. Да я не зна́ю, до́лго ли и ты уде́ржишься на свое́й стезѣ.

— Пожа́луйста не дѣлай о́бо мнѣ предположе́ній, — сказа́лъ Васи́лій Петро́вичъ.

— Оби́дѣлся? . . . Коне́чно не уде́ржишься. Что дало́ тебѣ твоё безкоры́стіе? Ра́звѣ ты тепе́рь споко́енъ? Ра́звѣ не ду́маешь ка́ждый день о томъ, согла́сны ли

твои́ посту́пки съ твои́ми идеа́лами, и не убѣжда́ешься ли ка́ждый день въ томъ, что несогла́сны? Вѣдь пра́вда, а? Вы́пей вина́, хоро́шее вино́.

Онъ нали́лъ и себѣ рю́мку, посмотрѣ́лъ на свѣтъ, попро́бовалъ, щёлкнулъ губа́ми и вы́пилъ.

— Вѣдь вотъ, любе́зный мой другъ, ты ду́маешь, я не зна́ю, кака́я у тебя́ въ головѣ́ тепе́рь мысль сиди́тъ? Допо́длинно зна́ю: ,, Зачѣ́мъ, ду́маешь ты, я у э́того человѣ́ка сижу́? О́чень онъ мнѣ ну́женъ! Ра́звѣ не могу́ я обойти́сь безъ его́ вина́ и сига́ръ?“ Посто́й, посто́й, дай договори́ть! Я во́все не ду́маю, что ты сиди́шь у меня́ изъ-за вина́ и сига́ръ. Во́все нѣтъ; е́сли бы ты и о́чень захотѣ́лъ ихъ, такъ не сталъ бы лизоблю́дничать. Лизоблю́дство вещь о́чень тяжёлая. Ты сиди́шь у меня́ и говори́шь со мно́ю про́сто потому́, что не мо́жешь рѣши́ть, дѣйстви́тельно ли я престу́пникъ. Не возмуща́ю я тебя́, да и всё. Коне́чно, для тебя́

145

э́то о́чень оби́дно, потому́ что въ твое́й головѣ́ располо́жены подъ ра́зными ру́бриками убѣжде́нія, и, подо́гнанный подъ нихъ, я, твой бы́вшій това́рищъ и другъ, ока́зываюсь мерза́вцемъ, а ме́жду тѣмъ, вражды́ ко мнѣ ты никако́й чу́вствовать не мо́жешь. Убѣжде́нія убѣжде́ніями, а я самъ по себѣ́, това́рищъ, до́брый ма́лый и да́же, мо́жно сказа́ть, до́брый человѣ́къ. Вѣдь ты зна́ешь, что я неспосо́бенъ никого́ оби́дѣть. . . .

— Посто́й, Кудря́шевъ. Отку́да у тебя́ всё э́то? — Васи́лій Петро́вичъ обвёлъ руко́й. — Самъ говори́шь, чужо́е : ну, тотъ и оби́женъ, у кого́ похи́щено.

— Легко́ сказа́ть : у кого́ похи́щено. Я вотъ ду́маю, ду́маю, кого́ я оби́дѣлъ — и всё не могу́ поня́ть, кого́. Ты не зна́ешь, какъ э́то дѣ́ло дѣ́лается ; я разскажу́ тебѣ́, и ты, мо́жетъ быть, согласи́шься со мно́ю, что найти́ оби́женнаго не та́къ-то легко́.

Кудря́шевъ позвони́лъ. Яви́лась без-

стра́стная лаке́йская фигу́ра въ чёрномъ фра́кѣ.

— Ива́нъ Па́влычъ, принеси́ мнѣ изъ кабине́та чертёжъ. Ме́жду о́кнами виси́тъ. Ты посмотри́, Васи́лій Петро́вичъ, дѣло-то како́е грандіо́зное : пра́во, я да́же поэ́зію въ нёмъ ны́нче находи́ть сталъ.

Ива́нъ Па́вловичъ бе́режно принёсъ огро́мный листъ, накле́енный на коленко́ръ. Кудря́шевъ взялъ его́, раздви́нулъ о́коло себя́ таре́лки, буты́лки и рю́мки и расположи́лъ чертёжъ на забры́зганной кра́снымъ вино́мъ ска́терти.

— Посмотри́ сюда́, — сказа́лъ онъ. — Вотъ тебѣ́ попере́чный разрѣ́зъ на́шего мо́ла, вотъ его́ продо́льный разрѣ́зъ. Ви́дишь голубу́ю кра́ску? Э́то мо́ре. Глубина́ его́ здѣсь насто́лько велика́, что начина́ть кла́дку со дна нельзя́, потому́ мы приготовля́емъ для мо́ла пре́жде всего́ посте́ль.

— Посте́ль? — спроси́лъ Васи́лій Петро́вичъ. — Стра́нное назва́ніе !

— Постéль кáменную изъ огрóмныхъ булы́жниковъ, не мéньше одногó кубúческаго фýта объёмомъ. — Кудря́шевъ отвинти́лъ отъ часовóго клю́чика крóшечный серéбряный ци́ркуль и взялъ имъ на чертежѣ какýю-то мáленькую ли́нію. — Смотри́, Васи́лій Петрóвичъ: э́то сáжень. Е́сли мы éю смѣримъ постéль поперёкъ, то окáжется безъ мáлаго пятьдеся́тъ сáженъ ширины́. Не узкá постéлька, непрáвда ли? Такóй ширины́ кáменная мáсса вывóдится со дна мóря до шестнáдцати фýтовъ ни́же егó повéрхности. Е́сли ты сообрази́шь ширину́ постéли и огрóмную длину́, то мóжешь имѣть нѣкоторое представлéніе о громáдности э́той мáссы кáмня. Иногдá, знáешь ли, цѣлый день бáрка за бáркой подхóдитъ къ мóлу, бáрка за бáркой выбрáсываетъ свой грузъ, а смѣряешь — приращéніе сáмое ничтóжное. — Тóчно въ бéздну вáлятъ кáмень. . . . Постéль вы́крашена здѣсь на плáнѣ гря́зно-сѣрой крáской. Её подви-

га́ютъ впередъ, а отъ бе́рега начина́ется на ней уже́ друга́я рабо́та. Паровы́ми кра́нами спуска́ютъ на э́ту посте́ль огро́мнѣйшіе иску́сственные ка́мни, куби́ческія глы́бы, слѣпленныя изъ булы́жника и цеме́нта. Ка́ждый тако́й кусо́къ величино́ю въ куби́ческую са́жень и вѣситъ мно́гія со́тни пудо́въ. Паръ поднима́етъ ихъ, поворачиваетъ и укла́дываетъ ряда́ми. Стра́нное чу́вство испы́тываешь, когда́ лёгкимъ нажа́тіемъ руки́ заставля́ешь таку́ю ма́ссу поднима́ться и опуска́ться по своему́ жела́нію. Когда́ така́я ма́сса повину́ется тебѣ, чу́вствуешь могу́щество человѣка. . . . Ви́дишь, вотъ они́, э́ти ку́бики. — Онъ показа́лъ ци́ркулемъ. — Кла́дка изъ нихъ дово́дится почти́ до пове́рхности воды́, а на ней начина́ется уже́ ве́рхняя ка́менная кла́дка изъ тёсанаго ка́мня. Такъ вотъ како́е э́то дѣло: оно́ не усту́питъ любо́й еги́петской пирами́дѣ. Вотъ тебѣ въ о́бщихъ черта́хъ рабо́та, кото́рая тя́нется уже́ нѣ-

сколько лѣтъ, а ско́лько вре́мени протя́нется — Богъ зна́етъ. Жела́тельно бы, что́бы подо́льше. . . . Впро́чемъ, е́сли она́ бу́детъ идти́ такъ, какъ послѣднее вре́мя, то, пожа́луй, на нашъ вѣкъ хва́титъ.

— Ну, что-жъ да́льше? — спроси́лъ Васи́лій Петро́вичъ по́слѣ до́лгаго молча́нія.

— Да́льше? Ну, а мы сиди́мъ на свои́хъ мѣста́хъ и получа́емъ, ско́лько слѣ́дуетъ.

— Я ещё не ви́жу изъ твоего́ разска́за возмо́жности получа́ть.

— Мо́лодъ ты, во́тъ что! Впро́чемъ, мы съ тобо́й, ка́жется, рове́сники; то́лько о́пытъ, кото́раго тебѣ́ не хвата́етъ, умудри́лъ, состари́лъ меня́. Дѣ́ло во́тъ въ чёмъ. Тебѣ́ извѣ́стно, что во вся́комъ мо́рѣ быва́ютъ бу́ри? Онѣ́-то и дѣ́йствуютъ. Онѣ́ размыва́ютъ ка́ждый годъ посте́ль, а мы кладёмъ но́вую.

— Всё-жъ я не ви́жу возмо́жности. . . .

— Кладёмъ мы её, — споко́йно продолжа́лъ Кудря́шевъ, — на бума́гѣ, вотъ здѣсь,

на чертежѣ, потому́ что то́лько на чертежѣ бу́ря её и размыва́етъ.

Васи́лій Петро́вичъ весь преврати́лся въ недоумѣніе.

— Потому́ что не мо́гутъ же на са́момъ дѣлѣ размы́ть посте́ль во́лны, достига́ющія то́лько восьми́ фу́товъ высоты́. На́ше мо́ре не океа́нъ, да и тамъ такіе мо́лы, какъ нашъ, выде́рживаютъ ; а у насъ, на двухъ съ ли́шнимъ саженя́хъ глубины́, гдѣ конча́ется посте́ль, почти́ что мёртвая тишина́. Слу́шай, Васи́лій Петро́вичъ, какъ дѣла́ дѣлаются. Весно́ю, по́слѣ осе́ннихъ и зи́мнихъ непого́дъ, мы собира́емся и ста́вимъ вопро́съ : ско́лько въ э́томъ году́ размы́ло посте́ли ? Берёмъ чертежи́ и отмѣча́емъ. Ну, и пи́шемъ, куда́ слѣдуетъ : размы́ло, де́скать, бу́рями сто́лько-то и сто́лько-то куби́ческихъ са́женъ на́чатыхъ рабо́тъ. Отту́да отвѣча́ютъ : стро́йте, чини́те, чортъ съ ва́ми ! Ну, мы и чи́нимъ.

— Да что жъ вы чи́ните-то?

— Да карма́ны себѣ чи́нимъ, — съостри́лѣ Кудря́шевъ, и самъ разсмѣя́лся свое́й остротѣ.

— Нѣтъ, э́то невозмо́жно ! невозмо́жно ! — закрича́лъ Васи́лій Петро́вичъ, вска́кивая со сту́ла и бѣгая по ко́мнатѣ. — Слу́шай, Кудря́шевъ, вѣдь ты гу́бишь себя́. . . . Не говоря́ о безнра́вственности. . . . Я про́сто хочу́ сказа́ть, что васъ всѣхъ пойма́ютъ на э́томъ, и ты поги́бнешь, по Влади́миркѣ пойдёшь. Бо́же, Бо́же, вотъ онѣ наде́жды, упова́нія! Спосо́бный и че́стный ю́ноша — и вдругъ. . . .

Васи́лій Петро́вичъ вошёлъ въ экста́зъ и говори́лъ до́лго и горячо́. Но Кудря́шевъ соверше́нно споко́йно кури́лъ сига́ру и посма́тривалъ на расходи́вшагося дру́га.

— Да, ты навѣрно пойдёшь по Влади́миркѣ! — зако́нчилъ Васи́лій Петро́вичъ свою́ фили́ппику.

— До Влади́мирки, другъ мой, о́чень далеко́. Чудно́й ты человѣкъ, я посмотрю́:

ничего́-то ты не понима́ешь. Ра́звѣ я оди́нъ . . . какъ бы э́то повѣжливѣе сказа́ть . . . пріобрѣта́ю? Всё вокру́гъ, са́мый во́здухъ — и тотъ, ка́жется, та́щитъ. Неда́вно явѝлся къ намъ оди́нъ но́венькій и ста́лъ-было по ча́сти че́стности корреспонде́нціи писа́ть. Что-жъ? Прикры́ли. . . . И всегда́ прикро́емъ. Всѣ за одного́, оди́нъ за всѣхъ. Ты ду́маешь, что человѣ́къ самъ себѣ́ врагъ? Кто жъ рѣши́тся меня́ тро́нуть, когда́ че́резъ э́то самъ мо́жетъ пошатну́ться?

— Ста́ло быть, — какъ сказа́лъ Крыло́въ, — ры́льце-то у всѣхъ въ пушку́?

— Въ пушку́, въ пушку́. Всѣ беру́тъ съ жи́зни, что̀ мо́гутъ, а не отно́сятся къ ней платони́чески. . . . О чёмъ, бишь, мы на́чали говори́ть? Да, о. томъ, кого́ я обижа́ю. Скажи́, кого́? Ни́зшую бра́тію, что-ли? Ну, чѣмъ? Вѣдь я че́рпаю не пря́мо изъ исто́чника, а беру́ гото́вое, что̀ ужъ взя́то, и е́сли не доста́нется мнѣ, то, мо́жетъ быть, кому́-нибудь и похуже. По кра́йней мѣрѣ,

я не по свѝнски живу́, есть кой-какíе и духóвные интересы: выпúсываю ку́чу газе́тъ, журна́ловъ. Крича́тъ о нау́кѣ, о цивилиза́ціи, а къ чему́ бы э́та цивилиза́ція прилага́лась, е́сли бы не мы, лю́ди со сре́дствами? И кто бы дава́лъ нау́кѣ возмóжность дви́гаться впередъ, какъ не лю́ди со сре́дствами? А ихъ ну́жно отку́да-нибудь взять. Такъ-называ́емыми че́стными путя́ми. . . .

— Ахъ, не дока́нчивай, не говори́ ты хоть послѣдняго сло́ва, Никола́й Константи́новичъ!

— Сло́ва? Что жъ, лу́чше бы́ло бы, крива́я твоя́ душа́, е́сли бы я сталъ врать, опра́вдываться? Вору́емъ, слы́шишь ли ты? Да е́сли пра́вду-то говори́ть, то и ты тепе́рь вору́ешь.

— Послу́шай, Кудря́шевъ. . . .

— Не́чего мнѣ тебя́ слу́шать, — сказа́лъ со смѣхомъ Кудря́шевъ. — Ты́-таки, братъ, граби́тель, подъ личи́ною добродѣтели. Ну,

что́ это за заня́тіе твоё — учи́тельство? Ра́звѣ ты упла́тишь свои́мъ трудо́мъ да́же тѣ гроши́, что̀ тебѣ́ тепе́рь пла́тятъ? Пригото́вишь ли ты хоть одного́ поря́дочнаго человѣка? Три че́тверти изъ твои́хъ воспи́танниковъ вы́йдутъ таки́е же, какъ я, а одна́ че́тверть таки́ми, какъ ты, то-есть благонамѣренной размазнёю. Ну, не да́ромъ ли ты берёшь де́ньги, скажи́ откровенно? И далеко́ ли ты ушёлъ отъ меня́? А то́же храбри́тся, че́стность проповѣдуетъ!

— Кудря́шевъ! Повѣрь, что мнѣ чрезвыча́йно тяжёлъ э́тотъ разгово́ръ.

— А мнѣ — ниско́лько.

— Я не ожида́лъ встрѣтить въ тебѣ́ то, что встрѣтилъ.

— Немудрёно; лю́ди измѣня́ются, и я измѣни́лся, а въ каку́ю сто́рону — ты угада́ть не могъ: не проро́къ вѣдь.

— Не ну́жно быть проро́комъ, что́бы надѣяться, что че́стный ю́ноша сдѣлается че́стнымъ граждани́номъ.

— Ахъ, оста́вь, не говори́ ты мнѣ э́того сло́ва. Че́стный граждани́нъ! И отку́да, изъ како́го учёбника ты э́ту архи́вность вы́тащилъ? Пора́ бы переста́ть сентимента́льничать: не ма́льчикъ вѣдь. . . . Зна́ешь что, Ва́ся, — при э́томъ Кудря́шевъ взялъ Васи́лія Петро́вича за́ руку: — будь дру́гомъ, бро́симъ э́тотъ прокля́тый вопро́съ. Лу́чше вы́пьемъ по това́рищески. Ива́нъ Па́влычъ! Дай, братъ, буты́лочку вотъ э́того.

Ива́нъ Па́влычъ неме́дленно яви́лся съ но́вой буты́лкой. Кудря́шевъ нали́лъ стака́ны.

— Ну, вы́пьемъ за процвѣта́ніе . . . чего́ бы э́то? Ну, всё равно́: за на́ше съ тобо́й процвѣта́ніе.

— Пью — сказа́лъ Васи́лій Петро́вичъ съ чу́вствомъ — за то, что́бы ты опо́мнился. Э́то моё сильнѣйшее жела́ніе.

— Будь другъ, не помина́й. . . . Вѣдь е́сли опо́мниться, такъ ужъ пить бу́детъ нельзя́: тогда́ зу́бы на по́лку. Ви́дишь, кака́я у тебя́ ло́гика. Бу́демъ пить про́сто,

безъ всякихъ пожеланій. Бросимъ эту скучную канитель: всё равно, ни до чего не договоримся: ты меня на путь истинный не наставишь, да и я тебя не переспорю. Да и не стоитъ переспаривать: собственнымъ умомъ до моей философіи дойдёшь.

— Никогда! — съ жаромъ воскликнулъ Василій Петровичъ, стукнувъ стакáномъ объ столъ.

— Ну, это посмотримъ. Да что это всё я про себя разсказывалъ, а ты о себѣ молчишь? Что ты дѣлалъ, что думаешь дѣлать?

— Я говорилъ уже тебѣ, что назначенъ учителемъ.

— Это твоё первое мѣсто?

— Да, первое; я занимался раньше частными уроками.

— И теперь думаешь заниматься ими?

— Если найду, отчего же?

— Доставимъ, братъ, доставимъ! — Кудряшевъ хлопнулъ Василія Петровича по

плечу́. — Всё здѣшнее ю́ношество тебѣ́ въ нау́ку отдади́мъ. Почёмъ ты бралъ за часъ въ Петербу́ргѣ?

— Ма́ло. О́чень тру́дно бы́ло доставáть хоро́шіе уро́ки. Рубль-два, не бо́льше.

— И за такíе гроши́ человѣ́къ терзáется! Ну, здѣсь ме́ньше пяти́ и не смѣй спра́шивать. Э́то рабо́та тру́дная: я самъ по́мню, какъ на пе́рвомъ и на второ́мъ ку́рсѣ по уро́чишкамъ бѣ́галъ. Быва́ло, добу́дешь по полти́ннику за часъ, и радъ. Са́мая неблагода́рная и тру́дная рабо́та. Я тебя́ перезнако́млю со всѣ́ми на́шими — тутъ есть преми́лыя семе́йства, и съ ба́рышнями. Бу́дешь умно́ себя́ вести́ — сосва́таю, е́сли хо́чешь. А, Васи́лій Петро́вичъ?

— Нѣтъ, благодарю́, я не нужда́юсь.

— Сосва́танъ уже́? Пра́вда?

Васи́лій Петро́вичъ вы́разилъ свои́мъ ви́домъ смуще́ніе.

— По глаза́мъ ви́жу, что пра́вда. Ну, братъ, поздравля́ю. Вотъ какъ ско́ро! Ай

да Ва́ся! Ива́нъ Па́влычъ! — закрича́лъ Кудря́шевъ.

Ива́нъ Па́влычъ съ за́спаннымъ и серди́тымъ лицо́мъ появи́лся въ двери́хъ.

— Дай шампа́нскаго!

— Шампа́нскаго нѣ́ту, всё вы́шло, — мра́чно отвѣча́лъ лаке́й.

— Бу́детъ, Кудря́шевъ, зачѣ́мъ же э́то, пра́во!

— Молчи́; я тебя́ не спра́шиваю. Оби́дѣть меня́ хо́чешь, что-ли? Ива́нъ Па́влычъ, безъ шампа́нскаго не приходи́ть, слы́шишь? Ступа́й!

— Да вѣдь за́перто, Никола́й Константи́новичъ.

— Не разгова́ривай. Де́ньги у тебя́ есть; ступа́й и принеси́. — Лаке́й ушёлъ, ворча́ что́-то себѣ́ подъ носъ.

— Вотъ скоти́на, ещё разгова́риваетъ! А ты ещё „не ну́жно“. Е́сли по тако́му слу́чаю не пить, то для чего́ и существу́етъ шампа́нское? . . . Ну, кто така́я?

— Кто?

— Ну, она́, невѣста. . . . Бѣдна́, бога́та, хороша́?

— Ты всё равно́ её не зна́ешь, такъ зачѣмъ называ́ть её тебѣ? Состоя́нія у неё нѣтъ, а красота́ — вещь усло́вная. По мо́ему, краси́ва.

— Ка́рточка есть? — спроси́лъ Кудря́шевъ. — Поди́, при се́рдцѣ но́сишь? Покажи́!

И онъ протяну́лъ ру́ку.

Кра́сное отъ вина́ лицо́ Васи́лія Петро́вича ещё бо́лѣе покраснѣло. Не зна́я зачѣмъ, онъ разстегну́лъ сюрту́къ, вы́нулъ свою́ кни́жку и доста́лъ драгоцѣнную ка́рточку. Кудря́шевъ схвати́лъ её и на́чалъ разсма́тривать.

— Ничего́, братъ: ты зна́ешь, гдѣ ра́ки зиму́ютъ.

— Нельзя́ ли безъ таки́хъ выраже́ній! — рѣзко сказа́лъ Васи́лій Петро́вичъ. — Дай её мнѣ, я спря́чу.

— Погоди́, дай наслади́ться. Ну, дай вамъ Богъ совѣ́тъ да любо́вь. На, возьми́, положи́ опя́ть на се́рдце. Ахъ, ты чуда́къ, чуда́къ! — воскли́кнулъ Кудря́шевъ и расхохота́лся.

— Не понима́ю, что̀ ты нашёлъ тутъ смѣшно́го?

— А такъ, бра́тецъ, смѣшно́ ста́ло. Предста́вился мнѣ ты че́резъ де́сять лѣтъ; самъ въ хала́тѣ, подурнѣвшая бере́менная жена́, семь человѣ́къ дѣте́й и о́чень ма́ло де́негъ для поку́пки имъ башмако́въ, штани́шекъ, шапчёнокъ и всего́ про́чаго. Вообще́ про́за. Бу́дешь ли ты тогда́ носи́ть э́ту ка́рточку въ боково́мъ карма́нѣ? Ха, ха, ха!

— Ты скажи́ лу́чше, кака́я поэ́зія ждётъ въ бу́дущемъ тебя́? Получа́ть де́ньги и прожива́ть ихъ? Ѣсть, пить да спать?

— Не ѣсть, пить и спать, а жить. Жить съ созна́ніемъ свое́й свобо́ды и нѣкотораго да́же могу́щества.

— Могу́щества! Како́е у тебя́ могу́щество?

— Си́ла въ де́ньгахъ, а у меня́ есть де́ньги. Что хочу́, то и сдѣлаю. . . . Захочу́ тебя́ купи́ть — и куплю́.

— Кудря́шевъ! . . .

— Не хорохо́рься по́пусту. Неуже́ли намъ съ тобо́ю, ста́рымъ друзья́мъ, нельзя́ и пошути́ть другъ надъ дру́гомъ? Коне́чно, тебя́ покупа́ть не ста́ну. Живи́ себѣ́ по-свое́му. А всё-таки, что хочу́, то и сдѣлаю. Ахъ, я ду́рень, ду́рень! — вдругъ вскри́кнулъ Кудря́шевъ, хло́пнувъ себя́ по лбу, — сиди́мъ сто́лько вре́мени, а я тебѣ́ гла́вной достопримѣча́тельности-то и не показа́лъ. Ты говори́шь: ѣсть, пить и спать? Я тебѣ́ сейча́съ таку́ю шту́ку покажу́, что ты отка́жешься отъ свои́хъ словъ. Пойдёмъ. Возьми́ свѣчу́.

— Куда́ э́то? — спроси́лъ Васи́лій Петро́вичъ.

— За мной. Уви́дишь, куда́.

Васи́лій Петро́вичъ, вставъ со сту́ла, чу́вствовалъ себя́ не въ по́лномъ поря́дкѣ. Но́ги не совсѣмъ повинова́лись ему́, и онъ не могъ держа́ть подсвѣчникъ такъ, что́бы стеари́нъ не ка́палъ на ковёръ. Одна́ко, нѣсколько спра́вившись съ непослу́шными чле́нами, онъ пошёлъ за Кудря́шевымъ. Они́ прошли́ нѣсколько ко́мнатъ, у́зенькій коридо́ръ и очути́лись въ како́мъ-то сыро́мъ и тёмномъ помѣще́ніи. Шаги́ глу́хо стуча́ли по ка́менному по́лу. Шумъ па́дающей гдѣ-то струи́ воды́ звуча́лъ безконе́чнымъ акко́рдомъ. Съ потолка́ висѣли сталакти́ты изъ ту́фа и синева́таго лито́го стекла́; цѣлыя иску́сственныя ска́лы возвыша́лись здѣсь и тамъ. Ма́сса тропи́ческой зе́лени прикрыва́ла ихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣста́хъ блестѣли тёмныя зеркала́.

— Что́ это тако́е? — спроси́лъ Васи́лій Петро́вичъ.

— Аква́рій, кото́рому я посвяти́лъ два

го́да вре́мени и мно́го де́негъ. Подожди́, я сейча́съ освѣщу́ его́.

Кудря́шевъ скры́лся за зе́лень, а Васи́лій Петро́вичъ подошёлъ къ одному́ изъ зерка́льныхъ стёколъ и на́чалъ разсма́тривать, что̀ бы́ло за нимъ. Сла́бый свѣтъ одно́й свѣчки не могъ прони́кнуть далеко́ въ во́ду, но ры́бы, больши́я и ма́ленькія, привлечённыя свѣтлой то́чкой, собрали́сь въ освѣщённомъ мѣстѣ и глу́по смотрѣли на Васи́лія Петро́вича кру́глыми глаза́ми, раскрыва́я и закрыва́я рты и шевеля́ жа́брами и плавника́ми. Да́льше виднѣлись тёмныя очерта́нія во́дорослей. Кака́я-то га́дина шевели́лась въ нихъ; Васи́лій Петро́вичъ не могъ разсмотрѣть ея́ фо́рмы.

Вдругъ пото́къ ослѣпи́тельнаго свѣта заста́вилъ его́ на мгнове́ніе закры́ть глаза́, и когда́ онъ откры́лъ ихъ, то не узна́лъ аква́рія. Кудря́шевъ въ двухъ мѣста́хъ зажёгъ электри́ческіе фонари́: свѣтъ ихъ проходи́лъ сквозь ма́ссу голубова́той воды́, ки-

ша́щую ры́бами и други́ми живо́тными, напо́лненную расте́ніями, рѣзко выдѣля́вшимися на неопредѣлённомъ фо́нѣ свои́ми кровавокра́сными, бу́рыми и грязнозелёными силуэ́тами. Ска́лы и тропи́ческія расте́нія, отъ контра́ста сдѣлавшіяся ещё темнѣе, краси́во обрамля́ли то́лстыя зерка́льныя стёкла сквозь кото́рыя открыва́лся видъ на вну́тренность аква́рія. Въ нёмъ всё закопоши́лось, замета́лось, испу́ганное ослѣпи́тельнымъ свѣ́томъ: цѣлая ста́я ма́ленькихъ большеголо́выхъ „ бычко́въ “ носи́лась туда́ и сюда́, повора́чиваясь то́чно по кома́ндѣ, сте́рляди извива́лись, прильну́въ мо́рдой къ стеклу́, и то поднима́лись до пове́рхности воды́, то опуска́лись ко дну, то́чно хотѣ́ли пройти́ че́резъ прозра́чную твёрдую прегра́ду: чёрный гла́дкій у́горь зарыва́лся въ песо́къ аква́рія и поднима́лъ цѣ́лое о́блако му́ти; смѣшна́я кургу́зая карака́тица отцѣпи́лась отъ скалы́, на кото́рой сидѣ́ла, и переплыва́ла аква́рій толч-

ка́ми, за́домъ наперёдъ, волоча́ за собо́й свои́ дли́нныя щу́пала. Всё вмѣстѣ бы́ло такъ краси́во и но́во для Васи́лія Петро́вича, что онъ соверше́нно забы́лся.

— Каково́, Васи́лій Петро́вичъ? — спроси́лъ Кудря́шевъ, вы́йдя къ нему́.

— Чуде́сно, братъ, удиви́тельно! Какъ э́то ты всё устро́илъ! Ско́лько вку́са, эффе́кта!

— Приба́вь ещё, и зна́нія. Наро́чно въ Берли́нъ ѣздилъ посмотрѣть та́мошнее чу́до и, не хва́стая, скажу́, что мой хотя́ и уступа́етъ, коне́чно, въ величинѣ, но на счётъ изя́щества и интере́сности — нисколько. . . . Э́то моя́ го́рдость и утѣше́ніе. Какъ ску́чно ста́нетъ — придёшь сюда́, ся́дешь и смо́тришь по цѣлымъ часа́мъ. Я люблю́ всю э́ту тварь за то, что она́ откровенна, не такъ, какъ нашъ братъ человѣкъ. Жрётъ другъ дру́га и не конфу́зится. Вотъ смотри́, смотри́: ви́дишь, нагоня́етъ.

Ма́ленькая ры́бка поры́висто мета́лась

вверхъ и внизъ и въ сто́роны, спаса́ясь отъ како́го-то дли́ннаго хи́щника. Въ смерте́льномъ стра́хѣ, она выбра́сывалась изъ воды́ на во́здухъ, пря́талась подъ усту́пы скалы́, а о́стрые зу́бы вездѣ нагоня́ли её. Хи́щная ры́ба уже́ гото́ва была́ схвати́ть её, какъ вдругъ другая́, подскочи́въ сбо́ку, перехвати́ла добы́чу: ры́бка исчезла въ ея́ па́сти. Преслѣдовательница останови́лась въ недоумѣніи, а похити́тельница скры́лась въ тёмный у́голъ.

— Перехвати́ли! — сказа́лъ Кудря́шевъ. — Ду́ра, оста́лась ни при чёмъ. Сто́ило гоня́ться для того́, чтобъ изъ-подъ но́са вы́хватили кусо́къ! . . . Ско́лько, е́сли бы ты зналъ, они́ пожира́ютъ э́той ме́лкой ры́бицы: сего́дня напу́стишь цѣлую ту́чу, и на друго́й день всё уже́ съѣдено. Съѣдя́тъ и не помышля́ютъ о безнра́вственности — а мы? Я то́лько неда́вно отвы́къ отъ э́той ерунды́, Васи́лій Петро́вичъ! Неуже́ли ты наконе́цъ не согласи́шься, что э́то ерунда́?

— Что́ тако́е? — спроси́лъ Васи́лій Петро́вичъ, не отрыва́я глазъ отъ воды́.

— Да вотъ э́ти угрызе́нія. На что они́? Угрыза́йся, не угрыза́йся — а е́сли попадётся кусо́къ. . . . Ну, я и упразднилъ ихъ, угрызе́нія э́ти, и стара́юсь подража́ть э́той скоти́нѣ.

Онъ показа́лъ па́льцемъ на аква́рій.

— Во́льному во́ля, — сказа́лъ со вздо́хомъ Васи́лій Петро́вичъ. — Послу́шай, Кудря́шевъ, вѣдь э́то, ка́жется, морскія расте́нія и живо́тныя?

— Морскія. И вода́ вѣдь у меня́ морска́я. Наро́чно водопрово́дъ устро́илъ.

— Неуже́ли изъ мо́ря? Но вѣдь э́то должно́ сто́ить огро́мныхъ де́негъ?

— Не ма́ленькихъ. Аква́рій мой сто́итъ о́коло тридцати́ ты́сячъ.

— Три́дцать ты́сячъ! — воскли́кнулъ въ у́жасѣ Васи́лій Петро́вичъ. — При ты́сячѣ шестиста́хъ рубле́й жа́лованья!

— Да брось ты э́то ужаса́нье. Е́сли

насмотрѣ́лся — пойдёмъ. Должно́ быть, Ива́нъ Па́влычъ принёсъ тре́буемое. . . . Подожди́ то́лько, я разомкну́ токъ.

Аква́рій вновь погрузи́лся въ мракъ. Свѣча́, продолжа́вшая горѣ́ть, показа́лась Васи́лію Петро́вичу ту́склымъ, коптя́щимъ огонько́мъ.

Когда́ они́ вы́шли въ столо́вую, Ива́нъ Па́влычъ держа́лъ уже́ нагото́вѣ завёрнутую въ салфе́тку буты́лку.

СИГНА́ЛЪ.

Семёнъ Ива́новъ служи́лъ сто́рожемъ на желѣ́зной доро́гѣ. Отъ его́ бу́дки до одно́й ста́нціи бы́ло двѣна́дцать, до друго́й — де́сять вёрстъ. Верста́хъ въ четырёхъ въ про́шломъ году́ откры́ли большу́ю пряди́льню; изъ-за лѣ́са ея́ высо́кая труба́ чернѣ́ла, а бли́же, кро́мѣ сосѣ́днихъ бу́докъ, и жилья́ не́ было.

Семёнъ Ива́новъ былъ человѣ́къ больно́й и разби́тый. Де́вять лѣтъ тому́ наза́дъ, онъ побыва́лъ на войнѣ́: служи́лъ въ денщика́хъ у офице́ра, и цѣ́лый похо́дъ съ нимъ сдѣ́лалъ. Голода́лъ онъ, и мёрзъ, и на со́лнцѣ жа́рился, и перехо́ды дѣ́лалъ по сорока́ и по пяти́десяти вёрстъ въ жару́ и въ моро́зъ; случа́лось и подъ пу́лями быва́ть, да сла́ва Бо́гу, ни одна́ не задѣ́ла. Стоя́лъ разъ полкъ въ пе́рвой ли́ніи; цѣ́лую недѣ́лю съ ту́рками перестрѣ́лка была́: лежи́тъ на́ша цѣпь, а че́резъ лощи́нку — туре́цкая, и съ

утра́ до ве́чера пострѣ́ливаютъ. Семёновъ офице́ръ то́же въ цѣпи́ былъ; ка́ждый день три ра́за носи́лъ ему́ Семёнъ изъ полковы́хъ ку́хонь, изъ овра́га, самова́ръ горя́чій и обѣ́дъ. Идётъ съ самова́ромъ по откры́тому мѣ́сту, пу́ли свистя́тъ, въ ка́мни щёлкаютъ, стра́шно Семёну, пла́четъ, а самъ идётъ. Господа́ офице́ры о́чень дово́льны имъ бы́ли: всегда́ у нихъ горя́чій чай былъ. Верну́лся онъ изъ похо́да цѣ́лый, то́лько ру́ки и но́ги ломи́ть ста́ло. Не ма́ло го́ря пришло́сь ему́ съ тѣ́хъ поръ отвѣ́дать. Пришёлъ онъ домо́й — оте́цъ стари́къ по́меръ; сыни́шка былъ по четвёртому го́ду — то́же по́меръ, го́рломъ болѣ́лъ; оста́лся Семёнъ съ жено́ю самъ-другъ. Не задало́сь имъ и хозя́йство, да и тру́дно съ пу́хлыми рука́ми и нога́ми зе́млю паха́ть. Пришло́сь имъ въ свое́й дере́внѣ не втерпёжъ; пошли́ на но́выя мѣста́ сча́стья иска́ть. Побыва́лъ Семёнъ съ жено́й и на ли́ніи, и въ Херсо́нѣ, и въ До́нщинѣ; нигдѣ́ сча́стья не доста́ли. Пошла́ жена́ въ

прислу́ги, а Семёнъ попре́жнему всё бро́дитъ. Пришло́сь ему́ разъ по маши́нѣ ѣхать; на одно́й ста́нціи, ви́дитъ, нача́льникъ бу́дто знако́мый. Гляди́тъ на него́ Семёнъ, и нача́льникъ то́же въ Семёново лицо́ всма́тривается. Узна́ли другъ дру́га. Офице́ръ своего́ полка́ оказа́лся.

— Ты Ива́новъ? говори́тъ.

— Такъ то́чно, ва́ше благоро́діе, я са́мый и есть.

— Ты какъ сюда́ попа́лъ?

Разсказа́лъ ему́ Семёнъ: такъ молъ и такъ.

— Куда́-жъ тепе́рь идёшь?

— Не могу́ знать, ва́ше благоро́діе.

— Какъ такъ, дура́къ, не мо́жешь знать?

— Такъ то́чно, ва́ше благоро́діе, потому́, пода́ться не́куда. Рабо́ты како́й, ва́ше благоро́діе, иска́ть на́добно.

Посмотрѣ́лъ на него́ нача́льникъ ста́нціи, поду́малъ и говори́тъ:

— Во́тъ что, братъ, остава́йся-ка ты по-

ку́дова на ста́нціи. Ты, ка́жется, жена́тъ? Гдѣ у тебя́ жена́?

— Такъ то́чно, ва́ше благоро́діе, жена́тъ; жена́ въ го́родѣ Ку́рскѣ, у купца́ въ услу-
5 же́ніи нахо́дится.

— Ну, такъ пиши́ женѣ, что́бы ѣхала. Биле́тъ даро́вой вы́хлопочу. Тутъ у насъ доро́жная бу́дка очи́стится, ужъ попрошу́ за тебя́ нача́льника ста́нціи.

10 — Мно́го благода́ренъ, ва́ше благоро́діе, отвѣтилъ Семёнъ.

Оста́лся онъ на ста́нціи. Помога́лъ у нача́льника на ку́хнѣ, дрова́ руби́лъ, дворъ, платфо́рму мёлъ. Че́резъ двѣ недѣли пріѣ-
15 хала жена́, и поѣхалъ Семёнъ на ручно́й телѣжкѣ въ свою́ бу́дку. Бу́дка но́вая, тёплая, дровъ — ско́лько хо́чешь; огоро́дъ ма́ленькій отъ пре́жнихъ стороже́й оста́лся, и земли́ съ полдесяти́ны па́хотной по бока́мъ
20 полотна́ бы́ло. Обра́довался Семёнъ: сталъ ду́мать, какъ своё хозя́йство заведётъ, коро́ву, ло́шадь ку́питъ.

Да́ли ему́ весь ну́жный припа́съ: флагъ зелёный, флагъ кра́сный, фонари́, рожо́къ, мо́лотъ, ключи́ — га́йки подви́нчивать, ломъ, лопа́ту, мётелъ, болто́въ, костыле́й, да́ли двѣ кни́жки съ пра́вилами и расписа́ніе поѣздо́въ. Пе́рвое вре́мя Семёнъ но́чи не спалъ, всё расписа́ніе тверди́лъ; по́ѣздъ ещё че́резъ два часа́ пойдётъ, а онъ обойдётъ свой уча́стокъ, ся́детъ на ла́вочку у бу́дки, и всё смо́тритъ и слу́шаетъ, не дрожа́тъ ли ре́льсы, не шуми́тъ ли по́ѣздъ. Вы́твердилъ онъ наизу́сть и пра́вила; хоть и пло́хо чита́лъ, по склада́мъ, а всё-таки вы́твердилъ.

Дѣло бы́ло лѣтомъ; рабо́та нетяжёлая, снѣга отгреба́ть не на́до. Да и поѣзда́ на той доро́гѣ рѣдки, обойдётъ Семёнъ свою́ версту́ два ра́за въ су́тки, ко́е-гдѣ га́йки попро́буетъ, подвинти́тъ, щебёнку подровня́етъ, водяны́я тру́бы посмо́тритъ, и идётъ домо́й хозя́йство своё устра́ивать. Въ хозя́йствѣ то́лько у него́ помѣха была́: что ни

заду́маетъ сдѣ́лать, о́бо всёмъ доро́жнаго ма́стера проси́, а тотъ нача́льнику диста́нціи доло́житъ; пока́ про́сьба вернётся, вре́мя и ушло́. Ста́ли Семёнъ съ жено́ю да́же скучáть.

Прошло́ вре́мени мѣ́сяца два; сталъ Семёнъ съ сосѣ́дями сторожа́ми знако́миться. Оди́нъ былъ стари́къ дре́вній; всё смѣни́ть его́ собира́лись; едва́ изъ бу́дки выбира́лся. Жена́ за него́ и обхо́дъ дѣ́лала. Друго́й бу́дочникъ, что̀ побли́же къ ста́нціи, былъ человѣ́къ молодо́й, изъ себя́ худо́й и жи́листый. Встрѣ́тились они́ съ Семёномъ въ пе́рвый разъ на полотнѣ́, посереди́нѣ ме́жду бу́дками, на обхо́дѣ; Семёнъ ша́пку снялъ и поклони́лся.

— До́браго — говори́тъ — здоро́вья, сосѣ́дъ.

Сосѣ́дъ поглядѣ́лъ на него́ сбо́ку. „Здра́вствуй“, говори́тъ. Повернýлся и пошёлъ прочь. Ба́бы по́слѣ ме́жду собо́ю встрѣ́тились. Поздоро́валась Семёнова Ари́на съ

сосѣ́дкой; та то́же разгова́ривать мно́го не ста́ла, ушла́. Уви́дѣлъ разъ её Семёнъ: — „Что́ это, — говори́тъ — у тебя́, молоди́ца, мужъ неразгово́рчивый?“ Помолча́ла ба́ба, пото́мъ говори́тъ:

— Да о чёмъ ему́ съ тобо́й разгова́ривать? У вся́каго своё. . . . Иди́ себѣ́ съ Бо́гомъ.

Одна́ко прошло́ ещё вре́мени съ мѣ́сяцъ, познако́мились. Сойду́тся Семёнъ съ Васи́ліемъ на полотнѣ́, ся́дутъ на край, тру́бочки поку́риваютъ и разска́зываютъ про своё житьё-бытьё. Васи́лій же бо́льше пома́лчивалъ, а Семёнъ и про дере́вню свою́, и про похо́дъ разска́зывалъ.

— Не ма́ло — говори́лъ — я го́ря на своёмъ вѣку́ при́нялъ, а вѣку моего́ не Богъ вѣсть ско́лько. Не далъ Богъ сча́стья. Ужъ кому́ каку́ю тала́нъ-судьбу́ Госпо́дь дастъ, такъ ужъ и есть. Такъ-то, бра́тецъ, Васи́лій Степа́нычъ.

А Васи́лій Степа́нычъ тру́бку объ рельсъ вы́колотилъ, всталъ и говори́тъ:

— Не тала́нъ-судьба́ намъ съ тобо́ю вѣкъ заѣда́етъ, а лю́ди. Нѣ́ту на свѣ́тѣ звѣ́ря хищне́е и злѣе человѣ́ка. Волкъ во́лка не ѣстъ, а человѣ́къ человѣ́ка живьёмъ съѣда́етъ.

— Ну, брагъ, волкъ во́лка ѣстъ, э́то ты не говори́.

— Къ сло́ву пришло́сь, и сказа́лъ. Всё-таки, нѣ́ту тва́ри жесто́че. Не людска́я бы злость да жа́дность — жить бы мо́жно бы́ло. Вся́кій тебя́ за живо́е ухвати́ть норови́тъ, да кусъ отхвати́ть, да сло́пать.

Заду́мался Семёнъ.

— Не зна́ю, — говори́тъ, — братъ. Мо́жетъ, оно́ и такъ, а коли́ и такъ, такъ ужъ есть на то отъ Бо́га положе́ніе.

— А коли́ такъ, — говори́тъ Васи́лій — такъ не́чего намъ съ тобо́й и разгова́ривать. Коли́ вся́кую скве́рность на Бо́га взва́ливать, а самому́ сидѣ́ть да терпѣ́ть, такъ э́то, братъ, не человѣ́комъ быть, а ското́мъ. Вотъ тебѣ́ мой сказъ.

Поверну́лся и пошёлъ, не прости́вшись. Всталъ и Семёнъ.

— Сосѣ́дъ, — кричи́тъ — за что же руга́ешься?

Не оберну́лся сосѣ́дъ, пошёлъ. До́лго смотрѣ́лъ на него́ Семёнъ, пока́ въ вы́емкѣ на поворо́тѣ ста́ло Васи́лія не ви́дно. Верну́лся домо́й, и говори́тъ женѣ́: — Ну, Ари́на, и сосѣ́дъ же у насъ: зе́лье, не человѣ́къ.

Одна́ко не поссо́рились они́; встрѣ́тились опя́ть и попре́жнему разгова́ривать ста́ли, и всё о томъ же.

— Э, братъ, кабы́ не лю́ди . . . не сидѣ́ли бы мы съ тобо́ю въ бу́дкахъ э́тихъ, говори́тъ Васи́лій.

— Что-жъ въ бу́дкѣ . . . ничего́, жить мо́жно.

— Жить мо́жно, жить мо́жно. . . . Эхъ ты! Мно́го жилъ, ма́ло на́жилъ, мно́го смотрѣ́лъ, ма́ло уви́дѣлъ. Бѣ́дному челове́ку, въ бу́дкѣ тамъ и́ли гдѣ, како́е ужъ житьё! Ѣдя́тъ тебя́ живодёры э́ти. Весь

сокъ выжима́ютъ, а старъ ста́нешь — вы́бросятъ, какъ жмы́ху каку́ю, свинья́мъ на кормъ. Ты ско́лько жа́лованья получа́ешь?

— Да мало́вато, Васи́лій Степа́нычъ. Двѣна́дцать рубле́й.

— А я трина́дцать съ полти́ной. Позво́ль тебя́ спроси́ть, почему́? По пра́вилу, отъ правле́нія всѣмъ одно́ полага́ется: пятна́дцать цѣлко́выхъ въ мѣсяцъ, отопле́ніе, освѣще́ніе. Кто же э́то намъ съ тобо́й двѣна́дцать, и́ли тамъ трина́дцать съ полти́ной опредѣли́лъ? Позво́ль тебя́ спроси́ть? . . . А ты говори́шь, жить мо́жно! Ты поймѝ, не объ полу́торахъ тамъ и́ли трёхъ рубля́хъ разгово́ръ идётъ. Хоть бы и всѣ пятна́дцать плати́ли. Былъ я на ста́нціи въ про́шломъ мѣсяцѣ; дире́кторъ проѣзжа́лъ, такъ я его́ ви́дѣлъ. Имѣлъ таку́ю честь. Ѣдетъ себѣ въ отдѣльномъ ваго́нѣ: вы́шелъ на платфо́рму, стои́тъ. . . . Да не оста́нусь я здѣсь до́лго; уйду́, куда́ глаза́ глядя́тъ.

— Куда́ же ты уйдёшь, Степа́нычъ? Отъ

добра́ добра́ не и́щутъ. Тутъ тебѣ́ и домъ, тепло́, и земли́цы мале́нько. Жена́ у тебя́ рабо́тница. . . .

— Земли́цы! Посмотрѣ́лъ бы ты на земли́цу мою́. Ни пру́та на ней нѣ́ту. Посади́лъ-было весно́й капу́стки, такъ и то доро́жный ма́стеръ пріѣ́халъ. „Э́то, говори́тъ, что тако́е? Почему́ безъ доноше́нія? Почему́ безъ разрѣше́нія? Вы́копать, чтобъ и духу ея́ не́ было". Пья́ный былъ. Въ друго́й разъ ничего́ бы не сказа́лъ, а тутъ втемя́шилось. . . . „Три рубля́ штра́фу! . . ."

Помолча́лъ Васи́лій, потяну́лъ тру́бочки и говори́тъ ти́хо:

— Немно́го ещё, зши́бъ бы я его́ до сме́рти.

— Ну, сосѣ́дъ, и горя́чъ ты, я тебѣ́ скажу́.

— Не горя́чъ я, а по пра́вдѣ говорю́ и размышля́ю. Да ещё дождётся онъ у меня́, кра́сная ро́жа. Самому́ нача́льнику диста́нціи жа́ловаться бу́ду. Посмо́тримъ!

И то́чно пожа́ловался.

Проѣзжа́лъ разъ нача́льникъ диста́нціи путь осма́тривать. Че́резъ три дня по́слѣ того́ господа́ ва́жные изъ Петербу́рга должны́ бы́ли по доро́гѣ проѣхать: реви́зію дѣлали, такъ пе́редъ ихъ проѣздомъ всё на́до бы́ло въ поря́докъ произвести́. Балла́сту подсы́пали, подровня́ли, шпа́лы пересмотрѣли, костыли́ подколоти́ли, га́йки подвинти́ли, столбы́ подкра́сили; на переѣздахъ приказа́ли жёлтаго песо́чку подсы́пать. Сосѣдка сторожи́ха и старика́ своего́ вы́гнала траву́ подчища́ть. Рабо́талъ Семёнъ цѣлую недѣлю; всё въ испра́вность привёлъ и на себѣ кафта́нъ почини́лъ, вы́чистилъ, а бля́ху мѣдную кирпичёмъ до сія́нія оттёръ. Рабо́талъ и Васи́лій. Пріѣхалъ нача́льникъ диста́нціи на дрези́нѣ; че́тверо рабо́чихъ рукоя́ть верта́ть; шестерни́ жужжа́ть; мчи́тся телѣжка вёрстъ по два́дцать въ часъ, то́лько колёса во́ютъ. Подлетѣлъ къ Семёновой бу́дкѣ; подскочи́лъ Семёнъ, отрапортова́лъ по солда́тски. Всё въ испра́вности оказа́лось.

— Ты давно́ здѣсь? — спра́шиваетъ нача́льникъ.

— Со второ́го ма́я, ва́ше благоро́діе.

— Ла́дно. Спаси́бо. А въ сто шестьдеся́тъ четвёртомъ но́мерѣ кто?

Доро́жный ма́стеръ (вмѣстѣ съ нимъ на дрези́нѣ ѣхалъ) отвѣтилъ:

— Васи́лій Спи́ридовъ.

— Спи́ридовъ, Спи́ридовъ. . . . А, э́то тотъ са́мый, что̀ въ про́шломъ году́ былъ у васъ на замѣча́ніи?

— Онъ са́мый и есть-съ.

— Ну, ла́дно, посмо́тримъ Васи́лія Спи́ридова. Тро́гай.

Налегли́ рабо́чіе на рукоя́ти; пошла́ дрези́на въ ходъ.

Смо́тритъ Семёнъ на неё и ду́маетъ: Ну, бу́детъ у нихъ съ сосѣдомъ игра́.

Часа́ че́резъ два пошёлъ онъ въ обхо́дъ. Ви́дитъ, изъ вы́емки по полотну́ идётъ кто́-то, на головѣ бу́дто бѣлое что виднѣется. Сталъ Семёнъ присма́триваться — Васи́лій;

въ рукѣ па́лка, за плеча́ми узело́къ ма́ленькій, щека́ платко́мъ завя́зана.

— Сосѣ́дъ, куда́ собрался́? кричи́тъ Семёнъ.

Подошёлъ Васи́лій совсѣ́мъ бли́зко: лица́ на нёмъ нѣ́ту, бѣ́лый какъ мѣ́лъ, глаза́ ди́кіе; говори́ть на́чалъ — го́лосъ обрыва́ется.

— Въ го́родъ — говори́тъ — въ Москву́ . . . въ правле́ніе.

— Въ правле́ніе. . . . Во́тъ что! Жа́ловаться, ста́ло быть, идёшь? Брось, Васи́лій Степа́нычъ, забу́дь. . . .

— Нѣтъ, братъ, не забу́ду. По́здно забыва́ть. Ви́дишь, онъ меня́ въ лицо́ уда́рилъ, въ кровь разби́лъ. Пока́ живъ не забу́ду, не оста́влю такъ!

Взялъ его́ за́ руку Семёнъ:

— Оста́вь, Степа́нычъ; вѣ́рно тебѣ́ говорю́: лу́чше не сдѣ́лаешь.

— Чего́ тамъ лу́чше! Зна́ю самъ, что лу́чше не сдѣ́лаю; пра́вду ты про тала́нъ-

судьбу́ говори́лъ. Себѣ́ лу́чше не сдѣ́лаю, но за пра́вду на́до, братъ, стоя́ть.

— Да ты скажи́, съ чего́ всё пошло́-то?

— Да съ чего́. . . . Осмотрѣ́лъ всё, съ дрези́ны сошёлъ, въ бу́дку загляну́лъ. Я ужъ зналъ, что стро́го бу́детъ спра́шивать; всё, какъ слѣ́дуетъ, испра́вилъ. Ѣ́хать ужъ хотѣ́лъ, а я съ жа́лобой. Онъ сейча́съ крича́ть. „Тутъ — говори́тъ — прави́тельственная реви́зія, тако́й-сяко́й, а ты объ огоро́дѣ жа́лобы подава́ть! Тутъ — говори́тъ — та́йные совѣ́тники, а ты съ капу́стой лѣ́зешь!“ Я не стерпѣ́лъ, сло́во сказа́лъ, не то что́бы о́чень, но такъ ужъ ему́ оби́дно показа́лось. Какъ дастъ онъ мнѣ . . . а я стою́ себѣ́, бу́дто такъ оно́ и слѣ́дуетъ. Уѣ́хали они́, опа́мятовался я, вотъ обмы́лъ себѣ́ лицо́ и пошёлъ.

— Какъ же бу́дка-то?

— Жена́ оста́лась. Не прозѣва́етъ; да ну ихъ совсѣ́мъ и съ доро́гой и́хней!

Всталъ Васи́лій, собрался́.

— Проща́й Ива́нычъ. Не зна́ю, найду́ ли упра́ву себѣ.

— Неу́жто пѣшко́мъ пойдёшь?

— На ста́нціи на това́рной попрошу́сь; за́втра въ Москвѣ бу́ду.

Прости́лись сосѣди; ушёлъ Васи́лій, и до́лго его́ не́ было. Жена́ за него́ рабо́тала, день и ночь не спала́; извела́сь совсѣмъ, поджида́ючи му́жа. На тре́тій день проѣхала реви́зія: паровозъ, вагонъ бага́жный и два пе́рваго кла́сса, а Васи́лія всё нѣтъ. На четвёртый день уви́дѣлъ Семёнъ его́ хозя́йку; лицо́ отъ слёзъ пу́хлое, глаза́ кра́сные.

— Верну́лся мужъ? спра́шиваетъ.

Махну́ла ба́ба руко́й, ничего́ не сказа́ла и пошла́ въ свою́ сто́рону.

Научи́лся Семёнъ когда́-то, ещё мальчи́шкой, изъ тальника́ ду́дки дѣлать. Вы́жжетъ тало́вой па́лкѣ се́рдце, ды́рки, гдѣ на́до, вы́сверлитъ, на концѣ пи́щикъ сдѣ-

лаетъ, и такъ сла́вно нала́дитъ, что хоть что̀ уго́дно игра́й. Дѣ́лывалъ онъ въ досу́жее вре́мя ду́докъ мно́го и съ знако́мымъ това́рнымъ конду́кторомъ въ го́родъ на база́ръ отправля́лъ; дава́ли ему́ тамъ за шту́ку по́ двѣ копѣ́йки. На тре́тій день по́слѣ реви́зіи оста́вилъ онъ до́ма жену́ вече́рній шестичасово́й по́ѣздъ встрѣ́тить, а самъ взялъ но́жикъ и въ лѣ́съ пошёлъ, па́локъ себѣ́ нарѣ́зать. Дошёлъ онъ до конца́ своего́ уча́стка — на э́томъ мѣ́стѣ путь кру́то поворача́ивалъ — спусти́лся съ на́сыпи и пошёлъ лѣ́сомъ по́дъ гору. За полверсты́ бы́ло большо́е боло́то, и о́коло него́ отли́чнѣйшіе кусты́ для его́ ду́докъ росли́. Нарѣ́залъ онъ па́локъ цѣ́лый пукъ и пошёлъ домо́й. Идётъ лѣ́сомъ; со́лнце уже́ ни́зко бы́ло; тишина́ мёртвая, слы́шно то́лько, какъ пти́цы чили́каютъ, да вале́жникъ подъ нога́ми хрусти́тъ. Прошёлъ Семёнъ немно́го ещё, ско́ро и полотно́, и чу́дится ему́, что́-то ещё слы́шно: бу́дто гдѣ́-то желѣ́зо о желѣ́зо позвя́киваетъ.

Пошёлъ Семёнъ скорѣ́й. Ремо́нту въ то вре́мя на ихъ уча́сткѣ не́ было. „Что бы э́то зна́чило?“ ду́маетъ. Выхо́дитъ онъ на опу́шку — пе́редъ нимъ желѣзнодоро́жная на́сыпь подыма́ется; наверху́, на полотнѣ́, человѣ́къ сиди́тъ на ко́рточкахъ, что́-то дѣ́лаетъ; сталъ подыма́ться Семёнъ потихо́ньку къ нему́: ду́малъ, га́йки кто воровáть пришёлъ. Смо́тритъ — и человѣ́къ поднялся́; въ рукáхъ у него́ ломъ; поддѣ́лъ онъ рельсъ ло́момъ, какъ дви́нетъ его́ въ сто́рону. Потемнѣ́ло у Семёна въ глазáхъ; кри́кнуть хо́четъ — не мо́жетъ. Ви́дитъ онъ Васи́лія, бѣжи́тъ наве́рхъ бѣго́мъ, а тотъ съ ло́момъ и ключёмъ съ друго́й стороны́ на́сыпи ку́баремъ ка́тится!

— Васи́лій Степа́нычъ! Оте́цъ родно́й, голу́бчикъ, воротúсь! Дай ломъ! Поста́вимъ рельсъ, никто́ не узна́етъ. Воротúсь, спасú свою́ ду́шу отъ грѣха́!

Не оберну́лся Васи́лій, въ лѣсъ ушёлъ.

Стои́тъ Семёнъ надъ отворо́ченнымъ ре́ль-

сомъ; па́лки свои́ вы́ронилъ. По́ѣздъ идётъ не това́рный, пассажи́рскій. И не остано́вишь его́ ничѣ́мъ: фла́га нѣтъ. Ре́льса на мѣ́сто не поста́вишь; го́лыми рука́ми костыле́й не забьёшь. Бѣжа́ть на́до, непремѣ́нно бѣжа́ть въ бу́дку за каки́мъ-нибудь припа́сомъ. Го́споди, помоги́!

Бѣжи́тъ Семёнъ къ своей бу́дкѣ, задыха́ется. Бѣжи́тъ — вотъ-вотъ упадётъ. Вы́бѣжалъ и́зъ лѣ́су — до бу́дки сто са́женъ, не бо́льше, оста́лось, слы́шитъ — на фа́брикѣ гудо́къ загудѣ́лъ. Шесть часо́въ. А въ двѣ мину́ты седьмо́го по́ѣздъ пройдётъ. Го́споди! Спаси́ нови́нныя ду́ши! Такъ и ви́дитъ пе́редъ собо́ю Семёнъ: хва́титъ паровозъ лѣ́вымъ колесо́мъ объ ре́льсовый обру́бъ, дро́гнетъ, накрени́тся, пойдётъ шпа́лы рвать и въ дре́безги бить, а тутъ крива́я, закругле́ніе, да на́сыпь, да вали́ться-то внизъ оди́ннадцать са́женъ, а тамъ, въ тре́тьемъ кла́ссѣ, наро́ду битко́мъ наби́то, дѣти ма́лыя. . . . Сидя́тъ они́ тепе́рь всѣ, ни о чёмъ

не ду́маютъ. Го́споди, вразуми́ Ты меня́! . . . Нѣтъ, до бу́дки добѣжа́ть и наза́дъ во́время верну́ться не поспѣешь. . . .

Не добѣжа́лъ Семёнъ до бу́дки, поверну́лъ наза́дъ, побѣжа́лъ скорѣе пре́жняго. Бѣжи́тъ почти́ безъ па́мяти; самъ не зна́етъ, что̀ ещё бу́детъ. Добѣжа́лъ до отворо́ченнаго ре́льса: па́лки его́ ку́чей лежа́тъ. Нагну́лся онъ, схвати́лъ одну́, самъ не понима́етъ, зачѣ́мъ, да́льше побѣжа́лъ. Чу́дится ему́, что уже́ по́ѣздъ идётъ. Слы́шитъ свисто́къ далёкій, слы́шитъ, ре́льсы мѣ́рно и потихо́ньку подра́гивать на́чали. Бѣжа́ть да́льше силъ нѣ́ту; останови́лся онъ отъ стра́шнаго мѣ́ста саженя́хъ во ста: тутъ ему́ то́чно свѣ́томъ го́лову освѣти́ло. Снялъ онъ ша́пку, вы́нулъ изъ нея́ плато́къ бума́жный; вы́нулъ ножъ изъ-за голени́ща; перекрести́лся. Го́споди благослови́!

Уда́рилъ себя́ ножёмъ въ лѣ́вую ру́ку повы́ше ло́ктя; бры́знула кровь, полила́ горя́чей струёй; намочи́лъ онъ въ ней свой

плато́къ, распра́вилъ, растяну́лъ, навяза́лъ на па́лку и вы́ставилъ свой кра́сный флагъ.

Стои́тъ, фла́гомъ свои́мъ разма́хиваетъ, а по́ѣздъ ужъ ви́денъ. Не ви́дитъ его́ машини́стъ, подойдётъ бли́зко, а на ста саженя́хъ не останови́ть тяжёлаго по́ѣзда!

А кровь всё льётъ и льётъ: прижима́етъ Семёнъ ра́ну къ бо́ку, хо́четъ зажа́ть её, но не унима́ется кровь; ви́дно, глубоко́ порани́лъ онъ ру́ку. Закружи́лось у него́ въ головѣ́; въ глаза́хъ чёрныя му́хи залета́ли; пото́мъ и совсѣ́мъ потемнѣ́ло; въ уша́хъ звонъ колоко́льный. Не ви́дитъ онъ по́ѣзда и не слы́шитъ шу́ма; одна́ мысль въ головѣ́: не устою́, упаду́, уроню́ флагъ; пройдётъ по́ѣздъ че́резъ меня́ . . . помоги́, Го́споди, пошли́ смѣ́ну. . . .

И ста́ло чёрно въ глаза́хъ его́, и пу́сто въ душѣ́ его́, и вы́ронилъ онъ флагъ. Но не упа́ло крова́вое зна́мя на зе́млю; чья́-то рука́ подхвати́ла его́ и подняла́ высоко́ на встрѣ́чу подходя́щему по́ѣзду. Машини́стъ

уви́дѣлъ его́, закры́лъ регуля́торъ и далъ контръ-па́ръ. По́ѣздъ останови́лся.

Вы́скочили изъ ваго́новъ лю́ди, сби́лись толпо́ю. Ви́дятъ: лежи́тъ человѣ́къ весь въ кро́ви, безъ па́мяти; другой во́злѣ него́ стои́тъ съ крова́вой тря́пкой на па́лкѣ.

Обвёлъ Васи́лій всѣхъ глаза́ми, опусти́лъ го́лову.

— Вяжи́те меня́, — говори́тъ — я рельсъ отвороти́лъ.

ЧЕТЫ́РЕ ДНЯ.

Я по́мню, какъ мы бѣжа́ли по́ лѣсу, какъ жужжа́ли пу́ли, какъ па́дали отрыва́емыя и́ми вѣ́тки, какъ мы пробира́лись сквозь кусты́ боя́рышника. Вы́стрѣлы ста́ли ча́ще. Сквозь опу́шку показа́лось что́-то кра́сное, мелька́вшее тамъ и сямъ. Си́доровъ, моло́денькій солда́тикъ пе́рвой ро́ты (,, какъ онъ попа́лъ въ на́шу цѣпь? " мелькну́ло у меня́ въ головѣ́), вдругъ присѣ́лъ къ землѣ́ и мо́лча огляну́лся на меня́ больши́ми испу́ганными глаза́ми. И́зо рта у него́ текла́ струя́ кро́ви. Да, я э́то хорошо́ по́мню. Я по́мню та́кже, какъ уже́ почти́ на опу́шкѣ, въ густы́хъ куста́хъ, я уви́дѣлъ . . . *его́*. Онъ былъ огро́мный, то́лстый ту́рокъ, но я бѣжа́лъ пря́мо на него́, хотя́ я слабъ и худъ. Что́-то хло́пнуло, что́-то, какъ мнѣ показа́лось, огро́мное пролетѣ́ло ми́мо; въ уша́хъ зазвенѣ́ло. ,, Э́то онъ въ меня́ вы́стрѣ-

лилъ", поду́малъ я. А онъ съ во́племъ у́жаса прижа́лся спино́ю къ густо́му кусту́ боя́рышника. Мо́жно бы́ло обойти́ кустъ, но отъ стра́ха онъ не по́мнилъ ничего́ и лѣзъ на колю́чія вѣтви. Одни́мъ уда́ромъ я вы́шибъ у него́ ружьё, други́мъ воткну́лъ куда́-то свой штыкъ. Что́-то не то зарыча́ло, не то застона́ло. Пото́мъ я побѣжа́лъ да́льше. На́ши крича́ли ура́! па́дали, стрѣля́ли. По́мню, и я сдѣлалъ нѣсколько вы́стрѣловъ, уже́ вы́йдя и́зъ лѣсу, на поля́нѣ. Вдругъ „ура́" раздало́сь гро́мче, и мы всѣ сра́зу дви́нулись впередъ. Т.-е. не мы, а на́ши, потому́ что я оста́лся. Мнѣ э́то показа́лось стра́ннымъ. Ещё страннѣе бы́ло то, что вдругъ всё исче́зло; всѣ кри́ки и вы́стрѣлы смо́лкли. Я не слы́шалъ ничего́, а ви́дѣлъ то́лько что́-то си́нее; должно́ быть, э́то бы́ло не́бо. Пото́мъ и оно́ исче́зло.

Я никогда́ не находи́лся въ тако́мъ стра́нномъ положе́ніи. Я лежу́, ка́жется, на

животѣ́ и ви́жу пе́редъ собо́ю то́лько ма́ленькій кусо́чекъ земли́. Нѣ́сколько трави́нокъ, муравье́й, ползу́щій съ одно́й изъ нихъ внизъ голово́ю, каки́е-то кусо́чки со́ра отъ прошлого́дней травы́ — вотъ весь тотъ міръ. И ви́жу я то́лько одни́мъ гла́зомъ, потому́ что друго́й зажа́тъ чѣ́мъ-то твёрдымъ, должно́ быть, вѣ́ткою, на кото́рую опира́ется моя́ голова́. Мнѣ ужа́сно нело́вко, и я хочу́, но рѣши́тельно не понима́ю, почему́ я не могу́ шевельну́ться. Такъ прохо́дитъ вре́мя. Я слы́шу трескъ кузне́чиковъ, жужжа́нье пчелы́. Бо́льше нѣтъ ничего́. Наконе́цъ я дѣ́лаю уси́ліе, освобожда́ю пра́вую ру́ку изъ-подъ себя́ и, опира́ясь обѣ́ими рука́ми о зе́млю, хочу́ встать на колѣ́ни.

Что́-то о́строе и бы́строе, какъ мо́лнія, прони́зываетъ всё моё тѣ́ло отъ колѣ́нъ къ гру́ди и головѣ́, и я сно́ва па́даю. Опя́ть мракъ, опя́ть ничего́ нѣтъ.

Я проснулся. Почему́ я ви́жу звѣзды, кото́рыя такъ я́рко свѣтя́тся на чёрно-си́немъ болга́рскомъ не́бѣ? Ра́звѣ я въ пала́ткѣ? Зачѣ́мъ я вы́лѣзъ изъ неё? Я дѣ́лаю движе́ніе и ощуща́ю мучи́тельную боль въ нога́хъ.

Да, я ра́ненъ въ бою́. Опа́сно и́ли нѣтъ? Я хвата́юсь за́ ноги тамъ, гдѣ боли́тъ. И пра́вая, и лѣ́вая но́ги покры́лись засо-ру́злой кро́вью. Когда́ я тро́гаю ихъ рука́ми, боль ещё сильнѣе. Боль какъ зубна́я: постоя́нная, тя́нущая за ду́шу. Въ уша́хъ звонъ, голова́ отяжелѣ́ла. Сму́тно понима́ю я, что ра́ненъ въ о́бѣ ноги́. Что-жъ э́то тако́е? Отчего́ меня́ не по́дняли? Неуже́ли ту́рки разби́ли насъ? Я начина́ю припомина́ть бы́вшее со мной, снача́ла сму́тно, пото́мъ яснѣе, и прихожу́ къ заключе́нію, что мы во́все не разби́ты. Потому́ что я упа́лъ (э́того, впро́чемъ, я не по́мню; но по́мню, какъ всѣ побѣжа́ли впередъ, а я не могъ бѣжа́ть, и у меня́ оста́лось то́лько что́-

то си́нее пе́редъ глаза́ми) — и упа́лъ на поля́нку наверху́ хо́лма. На эту́ поля́нку намъ пока́зывалъ нашъ ма́ленькій батальо́нный. „Ребя́та, мы бу́демъ тамъ!“ закрича́лъ онъ намъ свои́мъ зво́нкимъ го́лосомъ. И мы бы́ли тамъ; зна́читъ, мы не разби́ты. . . . Почему́ же меня́ не подобра́ли? Вѣдь здѣсь на поля́нѣ откры́тое мѣсто, всё ви́дно. Вѣдь навѣрно, не я оди́нъ лежу́ здѣсь. Они́ стрѣля́ли такъ ча́сто. Ну́жно поверну́ть го́лову и посмотрѣть. Тепе́рь э́то сдѣлать удо́бнѣе, потому́ что ещё тогда́, когда́ я, очну́вшись, ви́дѣлъ траву́ и муравья́, ползу́щаго внизъ голово́ю, я, пыта́ясь подня́ться, упа́лъ не въ пре́жнее положе́ніе, а перевернулся на́ спину. Оттого́-то мнѣ и ви́дны э́ти звѣзды.

Я приподнима́юсь и сажу́сь. Э́то дѣлается тру́дно, когда́ о́бѣ ноги́ переби́ты. Нѣсколько разъ прихо́дится отча́яваться; наконе́цъ, со слеза́ми на глаза́хъ, вы́ступившими отъ бо́ли, я сажу́сь.

Надо мно́ю — клочо́къ чёрно-си́няго не́ба, на кото́ромъ гори́тъ больша́я звѣзда́ и нѣсколько ма́ленькихъ, вокру́гъ что́-то тёмное, высо́кое. Э́то — кусты́. Я въ куста́хъ: меня́ не нашли́!

Я чу́вствую, какъ шевеля́тся ко́рни воло́съ на мое́й головѣ.

Одна́ко, какъ э́то я очути́лся въ куста́хъ, когда́ они́ застрѣли́ли меня́ на поля́нкѣ? Должно́ быть, ра́неный, я перепо́лзъ сюда́, не по́мня себя́ отъ бо́ли. Стра́нно то́лько, что тепе́рь я не могу́ пошевельну́ться, а тогда́ сумѣлъ дотащи́ться до э́тихъ густо́въ. А быть мо́жетъ, у меня́ тогда́ была́ то́лько одна́ ра́на, и друга́я пу́ля доконала меня́ уже́ здѣсь.

Блѣдныя розова́тыя пя́тна заходи́ли вокру́гъ меня́. Больша́я звѣзда́ поблѣднѣла, нѣсколько ма́ленькихъ — исче́зли. Э́то всхо́дитъ луна́. Какъ хорошо́ тепе́рь до́ма! . . .

Каки́е-то стра́нные зву́ки дохо́дятъ до меня́. . . . Какъ бу́дто бы кто́-то сто́нетъ.

Да, э́то — стонъ. Лежи́тъ ли о́коло меня́ како́й-нибудь тако́й же забы́тый, съ перебы́тыми нога́ми и́ли съ пу́лею въ животѣ? Нѣтъ, сто́ны такъ бли́зко, а о́коло меня́, ка́жется, никого́ нѣтъ. . . . Бо́же мой, да вѣдь э́то — я самъ! Ти́хіе, жа́лобные сто́ны; неуже́ли мнѣ въ са́момъ дѣлѣ такъ бо́льно? Должно́ быть. То́лько я не понима́ю э́той бо́ли, потому́ что у меня́ въ головѣ́ тума́нъ, свине́цъ. Лу́чше лечь опя́ть и усну́ть, спать, спать. . . . То́лько проснусь ли я когда́-нибудь? Э́то всё равно́.

Въ ту мину́ту, когда́ я собира́юсь ложи́ться, широ́кая блѣ́дная полоса́ лу́ннаго свѣта я́сно озаря́етъ мѣ́сто, гдѣ я лежу́, и я ви́жу что́-то тёмное и большо́е, лежа́щее шага́хъ въ пяти́ отъ меня́. Кое-гдѣ́ на нёмъ ви́дны бли́ки отъ лу́ннаго свѣта. Э́то пу́говицы и́ли аммуни́ція. Э́то и́ли трупъ, и́ли ра́неный.

Всё равно́, я ля́гу. . . .

Нѣтъ, не мо́жетъ быть. На́ши не ушли́.

Они́ здѣсь, они́ вы́били ту́рокъ и оста́лись на э́той пози́ціи. Отчего́ же нѣтъ ни го́вора, ни тре́ска костро́въ? Да вѣдь я отъ сла́бости ничего́ не слы́шу. Они́ навѣ́рно здѣсь.

„Помоги́те!! . . . Помоги́те!“

Ди́кіе, безу́мные, хри́плые во́пли вырыва́ются изъ моей́ гру́ди, и нѣтъ на нихъ отвѣ́та. Гро́мко разно́сятся они́ въ ночно́мъ во́здухѣ. Всё остально́е молчи́тъ. То́лько сверчки́ трещатъ попре́жнему неугомо́нно. Луна́ жа́лобно смо́тритъ на меня́ кру́глымъ лицо́мъ.

Е́сли бы *онъ* былъ ра́неный, онъ очну́лся бы отъ тако́го кри́ка. Э́то трупъ. Нашъ и́ли ту́рокъ? Ахъ, Бо́же мой! бу́дто не всё равно́? . . . И сонъ опуска́ется на мои́ воспалённые глаза́.

Я лежу́ съ закры́тыми глаза́ми, хотя́ уже́ давно́ проснулся. Мнѣ не хо́чется откры́ть глаза́, потому́ что я чу́вствую сквозь закры́тыя вѣки со́лнечный свѣтъ: е́сли я

откро́ю глаза́, то онъ бу́детъ рѣ́зать ихъ. Да и лу́чше не шевели́ться. . . . Вчера́ (ка́жется, э́то бы́ло вчера́?) меня́ ра́нили; прошли́ су́тки, пройду́тъ другія, я умру́. Всё равно́. Лу́чше не шевели́ться. Пусть тѣ́ло бу́детъ неподви́жно. Какъ бы́ло бы хорошо́ останови́ть и рабо́ту мо́зга! Но её ничѣ́мъ не заде́ржишь. Мы́сли, воспомина́нія тѣсня́тся въ головѣ́. Впро́чемъ, всё э́то не надо́лго, ско́ро коне́цъ. То́лько въ газе́тахъ оста́нется нѣ́сколько строкъ, что, молъ, поте́ри на́ши незначи́тельны: ра́нено сто́лько-то; уби́тъ рядово́й изъ вольноопредѣля́ющихся, Ива́новъ. Нѣтъ, и фами́ліи не напи́шутъ; про́сто ска́жутъ: уби́тъ оди́нъ. Оди́нъ рядово́й, какъ та одна́ собачёнка.

Цѣ́лая карти́нка я́сно вспы́хиваетъ въ моёмъ воображе́ніи. Э́то бы́ло давно́; впро́чемъ, всё, вся моя́ жизнь, *та* жизнь, когда́ я не лежа́лъ ещё здѣсь съ перебы́тыми нога́ми, была́ такъ давно́. . . . Я шёлъ по

у́лицѣ, ку́чка наро́да останови́ла меня́. Толпа́ стоя́ла и, мо́лча, глядѣ́ла на что́-то бѣ́ленькое, окрова́вленное, жа́лобно визжа́вшее. Э́то была́ ма́ленькая хоро́шенькая собачка: вагонъ ко́нно-желѣ́зной доро́ги переѣхалъ её. Она́ умира́ла, вотъ какъ тепе́рь я. Како́й-то дво́рникъ растолка́лъ толпу́, взялъ соба́чку за ши́воротъ и унёсъ. Толпа́ разошла́сь.

Унесётъ ли меня́ кто́-нибудь? Нѣтъ, лежи́ и умира́й. А какъ хороша́ жизнь! . . . Въ тотъ день (когда́ случи́лось несча́стіе съ соба́чкой), я былъ сча́стливъ. Я шёлъ въ како́мъ-то опьянѣ́ніи, да и бы́ло отчего́. Вы, воспомина́нія, не му́чьте меня́, оста́вьте меня́! Было́е сча́стье, настоя́щія му́ки . . . пусть бы оста́лись одни́ муче́нія, пусть не му́чатъ меня́ воспомина́нія, кото́рыя нево́льно заставля́ютъ сра́внивать. Ахъ, тоска́, тоска́! Ты ху́же ранъ.

Одна́ко, стано́вится жа́рко. Со́лнце жжётъ. Я открыва́ю глаза́, ви́жу тѣ же

кусты́, то же не́бо, то́лько при дне́вномъ освѣще́ніи. А вотъ и мой сосѣ́дъ. Да, э́то ту́рокъ, трупъ. Како́й огро́мный! Я узнаю́ его́, э́то тотъ са́мый. . . .

Пе́редо мной лежи́тъ уби́тый мно́ю челове́къ. За что я его́ уби́лъ?

Онъ лежи́тъ здѣсь мёртвый, окрова́вленный. Зачѣ́мъ судьба́ пригнала́ его́ сюда́? Кто онъ? Быть мо́жетъ, и у него́, какъ у меня́, есть ста́рая мать. До́лго она́ бу́детъ по вечера́мъ сидѣ́ть у двере́й свое́й убо́гой ма́занки, да погля́дывать на далёкій сѣ́веръ: не идётъ ли ея́ ненагля́дный сынъ, ея́ рабо́тникъ и корми́лецъ? . . .

А я? И я та́кже. . . . Я бы да́же помѣ́ня́лся съ нимъ. Какъ онъ сча́стливъ: онъ не слы́шитъ ничего́, не чу́вствуетъ ни бо́ли отъ ранъ, ни смерте́льной тоски́, ни жа́жды. . . . Штыкъ вошёлъ ему́ пря́мо въ се́рдце. . . . Вотъ на мунди́рѣ больша́я чёрная дыра́; вокру́гъ нея́ кровь. *Э́то сдѣ́лалъ — я.*

Я не хотѣ́лъ э́того. Я не хотѣ́лъ зла

никому́, когда́ шёлъ дра́ться. Мысль о томъ, что и мнѣ придётся убива́ть люде́й, ка́къ-то уходи́ла отъ меня́. Я представля́лъ себѣ то́лько, какъ я бу́ду подставля́ть *свою́* грудь подъ пу́ли. И я пошёлъ и подста́вилъ.

Ну, и что же? Глупе́цъ, глупе́цъ! А э́тотъ несча́стный фелла́хъ (на нёмъ еги́петскій мундиръ) — онъ винова́тъ ещё ме́ньше. Пре́жде, чѣмъ ихъ посади́ли, какъ сельде́й въ бо́чку, на пароходъ и повезли́ въ Константино́поль, онъ и не слы́шалъ ни о Россіи, ни о Болга́ріи. Ему́ велѣли идти́, онъ и пошёлъ. Е́сли бы онъ не пошёлъ, его́ ста́ли бы бить па́лками, а то, быть мо́жетъ, како́й-нибудь паша́ всади́лъ бы въ него́ пу́лю изъ рево́львера. Онъ шёлъ дли́ннымъ, тру́днымъ похо́домъ отъ Стамбу́ла до Рущу́ка. Мы напа́ли, онъ защища́лся. Но ви́дя, что мы, стра́шные лю́ди, не боя́щіеся его́ патенто́ванной а́нглійской винто́вки Пи́боди и Марти́ни, всё лѣземъ и лѣземъ впередъ, онъ пришёлъ въ у́жасъ. Когда́ онъ хотѣлъ уйти́,

како́й-то ма́ленькій человѣ́къ, кото́раго онъ могъ бы уби́ть одни́мъ уда́ромъ своего́ чёрнаго кулака́, подскочи́лъ и воткну́лъ ему́ штыкъ въ се́рдце.

Чѣмъ же онъ винова́тъ?

И чѣмъ винова́тъ я, хотя́ я и уби́лъ его́? Чѣмъ я винова́тъ? За что меня́ му́читъ жа́жда? Жа́жда! Кто зна́етъ, что̀ зна́читъ э́то сло́во! Да́же тогда́, когда́ мы шли по Румы́ніи, дѣ́лая въ ужа́сные сорока́-гра́дусные жары́ перехо́ды по пяти́десяти вёрстъ, тогда́ я не чу́вствовалъ того́, что̀ чу́вствую тепе́рь. Ахъ, е́сли бы кто́-нибудь пришёлъ!

Бо́же мой! Да у него́ въ э́той огро́мной фля́гѣ навѣ́рно есть вода́! Но на́до добра́ться до него́. Что э́то бу́детъ сто́ить! Всё равно́, доберу́сь.

Я ползу́. Но́ги воло́чатся, ослабѣ́вшія ру́ки едва́ дви́гаютъ неподви́жное тѣ́ло. До тру́па са́жени двѣ, но для меня́ э́то бо́льше — не бо́льше, а ху́же — деся́тковъ вёрстъ.

Всё-таки ну́жно ползти́. Го́рло гори́тъ, жжётъ, какъ огнёмъ. Да и умрёшь безъ воды́ скорѣе. Всё-таки, мо́жетъ быть. . . .

И я ползу́. Но́ги цѣпля́ются за зе́млю, и ка́ждое движе́ніе вызыва́етъ нестерпи́мую бо́ль. Я кричу́, кричу́ съ во́плями, а всё-таки ползу́. Наконе́цъ, вотъ и онъ. Вотъ фля́га . . . въ ней есть вода́ — и какъ мно́го! Ка́жется, бо́льше полфля́ги. О! воды́ мнѣ хва́титъ надо́лго . . . до са́мой сме́рти!

Ты спаса́ешь меня́, моя́ же́ртва! . . . Я на́чалъ отвя́зывать фля́гу, опершись на оди́нъ ло́коть, и вдругъ, потеря́въ равнове́сіе, упа́лъ лицо́мъ на грудь своего́ спаси́теля. Отъ него́ уже́ былъ слы́шенъ си́льный тру́пный за́пахъ.

Я напи́лся. Вода́ была́ тепла́, но не испо́рчена, и притомъ́ ея́ бы́ло мно́го. Я проживу́ ещё нѣсколько дней. По́мнится, въ „ Физіоло́гіи обыдённой жи́зни “ ска́зано, что безъ пи́щи человѣкъ мо́жетъ прожи́ть

бо́льше недѣ́ли, лишь бы была́ вода́. Да, тамъ ещё разска́зана исто́рія самоуби́йцы, умори́вшаго себя́ го́лодомъ. Онъ жилъ о́чень до́лго, потому́ что пилъ.

Ну, и что же? Е́сли я проживу́ ещё дней пять-шесть, что бу́детъ изъ э́того? На́ши ушли́, болга́ре разбѣжа́лись. Доро́ги бли́зко нѣтъ. Всё равно́ — умира́ть. То́лько вмѣсто трёхдне́вной аго́ніи я сдѣлалъ себѣ недѣльную. Не лу́чше ли ко́нчить? О́коло моего́ сосѣда лежи́тъ его́ ружьё, отли́чное а́нглійское произведе́ніе. Сто́итъ то́лько протяну́ть ру́ку; пото́мъ — оди́нъ мигъ, и коне́цъ. Патро́ны валя́ются тутъ же, ку́чею. Онъ не успѣлъ вы́пустить всѣхъ.

Такъ конча́ть и́ли — ждать? Чего́? Избавле́нія? Сме́рти? Ждать, пока́ пріѣ́дутъ ту́рки и начну́тъ сдира́ть ко́жу съ мои́хъ ра́неныхъ ногъ? Лу́чше ужъ самому́.

Нѣтъ, не ну́жно па́дать ду́хомъ; бу́ду боро́ться до конца́, до послѣ́днихъ силъ. Вѣдь е́сли меня́ найду́тъ, я спасёнъ. Быть

мо́жетъ, ко́сти не тро́нуты; меня́ вы́лечатъ. Я уви́жу ро́дину, мать, Ма́шу. . . .

Го́споди, не дай имъ узна́ть всю пра́вду! Пусть ду́маютъ, что я уби́тъ наповалъ. Что бу́детъ съ ни́ми, когда́ они́ узна́ютъ, что я му́чился два, три, четы́ре дня!

Голова́ кру́жится; моё путеше́ствіе къ сосѣ́ду меня́ соверше́нно изму́чило. А тутъ ещё э́тотъ ужа́сный за́пахъ! Какъ онъ почернѣ́лъ . . . что бу́детъ съ нимъ за́втра и́ли по́слѣзавтра? И тепе́рь я лежу́ здѣсь то́лько потому́, что нѣтъ си́лы оттащи́ться. Отдохну́ и поползу́ на ста́рое мѣ́сто; кста́ти, вѣ́теръ ду́етъ отту́да и бу́детъ относи́ть отъ меня́ злово́ніе.

Я лежу́ въ соверше́нномъ изнеможе́ніи. Со́лнце жжётъ мнѣ́ лицо́ и ру́ки. Накры́ться не́чѣмъ. Хоть бы ночь поскорѣ́е: э́то, ка́жется, бу́детъ втора́я.

Мы́сли пу́таются, и я забыва́юсь.

Я спалъ до́лго, потому́ что, когда́ проснулся, была́ уже́ ночь. Всё попре́жнему; ра́ны боля́тъ, сосѣдъ лежи́тъ, тако́й же огро́мный и неподви́жный.

Я не могу́ не ду́мать о нёмъ. Неуже́ли я бро́силъ всё ми́лое, дорого́е, шёлъ сюда́ тысячевёрстнымъ похо́домъ, голода́лъ, холода́лъ, му́чился отъ зно́я; неуже́ли, наконе́цъ, я лежу́ тепе́рь въ э́тихъ му́кахъ — то́лько ра́ди того́, что́бы э́тотъ несча́стный переста́лъ жить? А вѣдь ра́звѣ я сдѣлалъ что́-нибудь поле́зное для вое́нныхъ цѣлей кро́мѣ э́того убі́йства?

Убі́йство, убі́йца. . . . И кто же? Я!

Когда́ я затѣялъ идти́ дра́ться, мать и Ма́ша не отгова́ривали меня́, хотя́ и пла́кали надо мно́ю. Ослѣплённый иде́ею, я не ви́дѣлъ э́тихъ слёзъ. Я не понима́лъ (тепе́рь я по́нялъ), что̀ я дѣлалъ съ бли́зкими мнѣ существа́ми.

Да вспомина́ть ли? Про́шлаго не воро́тишь

А како́е стра́нное отноше́ніе къ моему́ посту́пку яви́лось у мно́гихъ знако́мыхъ! „Ну, юро́дивый! Лѣзетъ, самъ не зна́я чего́!“ Какъ могли́ они́ говори́ть э́то? Какъ вя́жутся такія слова́ съ *ихъ* представле́ніями о геро́йствѣ, любви́ къ ро́динѣ и про́чихъ вещáхъ? Вѣдь въ *ихъ* глазáхъ я представля́лъ всѣ э́ти до́блести. И тѣмъ не ме́нѣе, я — „юро́дивый“.

И вотъ я ѣ́ду въ Кишинёвъ; на меня́ навью́чиваютъ ра́нецъ и всякія вое́нныя принадле́жности. И я иду́ вмѣстѣ съ ты́сячами, изъ кото́рыхъ ра́звѣ нѣсколько наберётся, подо́бно мнѣ, иду́щихъ охо́тно. Остальны́е оста́лись бы до́ма, е́сли бы имъ позво́лили. Одна́ко, они́ иду́тъ та́кже, какъ и мы, „созна́тельные“, прохо́дятъ ты́сячи вёрстъ и деру́тся та́кже, какъ и мы, и́ли да́же лу́чше. Они́ исполня́ютъ свои́ обя́занности, несмотря́ на то, что сейча́съ же бро́сили бы и ушли́ — то́лько бы позво́лили.

Понесло́ рѣ́зкимъ у́треннимъ вѣтерко́мъ.

Кусты́ зашевели́лись, вспорхну́ла полусо́нная пти́чка. Звѣ̈зды поме́ркли. Тёмноси́нее не́бо посѣрѣ́ло, подёрнулось нѣ̈жными пери́стыми облачка́ми; сѣ́рый полумра́къ подни-ма́лся съ земли́. Наступа́лъ тре́тій день моего́. . . . Какъ э́то назва́ть? Жизнь? Аго́нія?

Тре́тій. . . . Ско́лько ихъ ещё оста́лось? Во вся́комъ слу́чаѣ, немно́го. Я о́чень осла-бѣ́лъ и, ка́жется, да́же не смогу́ отодви-нуться отъ тру́па. Ско́ро мы поровня́емся съ нимъ и не бу́демъ непрія́тны другъ дру́гу.

Ну́жно напи́ться. Бу́ду пить три ра́за въ день: у́тромъ, въ по́лдень и ве́черомъ.

Со́лнце взошло́. Его́ огро́мный дискъ, весь пересѣчённый и раздѣлённый чёрными вѣтвя́ми густо́въ, кра́сенъ, какъ кровь. Се-го́дня бу́детъ, ка́жется, жа́рко. Мой сосѣ́дъ — что ста́нется съ тобо́ю? Ты и тепе́рь ужа́сенъ.

Да, онъ былъ ужа́сенъ. Его́ во́лосы на-

чали выпада́ть. Его́ ко́жа, чёрная отъ приро́ды, поблѣднѣла и пожелтѣла; раздýтое лицó натянýло её до того́, что она́ лóпнула за́ ухомъ. Тамъ копоши́лись че́рви. Но́ги, затя́нутыя въ штибле́ты, раздýлись, и ме́жду крючка́ми штибле́тъ вы́лѣзли огро́мные пузыри́. И весь онъ раздýлся горóю. Что сдѣлаетъ съ нимъ со́лнце сего́дня?

Лежа́ть такъ бли́зко къ нему́ невыноси́мо. Я до́лженъ отползти́, во что́ бы то ни ста́ло. Но смогу́ ли я? Я ещё могу́ подня́ть ру́ку, откры́ть фля́гу, напи́ться; но — передви́нуть своё тяжёлое, неподви́жное тѣло? Всё-таки бу́ду дви́гаться, хоть понемно́гу, хоть на полъ-шага́ въ часъ.

Все у́тро прохо́дитъ у меня́ въ э́томъ передвиже́ніи. Боль сильна́, но что̀ мнѣ она́ тепе́рь? Я уже́ не по́мню, не могу́ предста́вить себѣ ощуще́ній здоро́ваго челове́ка. Я да́же бу́дто привы́къ къ бо́ли. Въ э́то у́тро я отпо́лзъ-таки са́жени на́ двѣ и очути́лся на пре́жнемъ мѣстѣ. Но я не

до́лго по́льзовался свѣ́жимъ во́здухомъ, е́сли мо́жетъ быть свѣ́жій во́здухъ въ шести́ шага́хъ отъ гнію́щаго тру́па. Вѣ́теръ перемѣня́ется и сно́ва нано́ситъ на меня́ злово́ніе до того́ си́льное, что меня́ тошни́тъ. Пусто́й желу́докъ муче́нительно и су́дорожно сокраща́ется; всѣ вну́тренности перевора́чиваются. А злово́нный, заражённый во́здухъ такъ и плывётъ на меня́.

Я прихожу́ въ отча́яніе и пла́чу.

Совсѣмъ разби́тый, одурма́ненный, я лежа́лъ почти́ въ безпа́мятствѣ. Вдругъ. . . . Не обма́нъ ли э́то разстро́еннаго воображе́нія? Мнѣ ка́жется, что . . . нѣтъ. Да, э́то — го́воръ. Ко́нскій то́потъ, людско́й го́воръ. Я едва́ не закрича́лъ, но удержа́лся. А что, е́сли э́то ту́рки? Что тогда́? Къ э́тимъ муче́ніямъ приба́вятся ещё други́я, бо́лѣе ужа́сныя, отъ кото́рыхъ ды́бомъ во́лосъ стано́вится, да́же когда́ о нихъ чита́ешь

въ газе́тахъ. Сдеру́тъ ко́жу, поджа́рятъ ра́неныя но́ги. . . . Хорошо́, е́сли ещё то́лько э́то; но вѣдь они́ изобрѣта́тельны. Неуже́ли лу́чше ко́нчить жизнь въ ихъ рука́хъ, чѣмъ умере́ть здѣсь? А е́сли э́то — на́ши? О, прокля́тые кусты́! Зачѣмъ вы оброслѝ вокру́гъ меня́ таки́мъ густы́мъ забо́ромъ? Ничего́ я не ви́жу сквозь нихъ; то́лько въ одно́мъ мѣстѣ бу́дто око́шко ме́жду вѣтвя́ми открыва́етъ мнѣ видъ вдаль, въ лощи́ну. Тамъ, ка́жется, есть ручеёкъ, изъ кото́раго мы пи́ли пе́редъ бо́емъ. Да, вонъ и огро́мная песча́никовая плита́, поло́женная че́резъ ручеёкъ, какъ мо́стикъ. Они́ навѣрно пое́дутъ че́резъ неё. Го́воръ умолка́етъ. Я не могу́ разслы́шать языка́, на кото́ромъ они́ говоря́тъ: у меня́ и слухъ ослабѣ́лъ. Го́споди! е́сли э́то на́ши. . . . Я закричу́ имъ; они́ услы́шатъ меня́ и отъ ручейка́. Э́то лу́чше, чѣмъ рискова́ть попа́сть въ ла́пы башибузу́камъ. Что-жъ они́ такъ до́лго не е́дутъ? Нетерпѣ́ніе томи́тъ меня́; я не замѣча́ю

да́же за́паха тру́па, хотя́ онъ ниско́лько не ослабѣ́лъ.

И вдругъ на перехо́дѣ че́резъ ручей́ пока́зываются казаки́! Си́ніе мунди́ры, кра́сные лампа́сы, пи́ки. Ихъ цѣ́лая полусо́тня. Впереди́, на превосхо́дной ло́шади, черноборо́дый офице́ръ. То́лько что полусо́тня перебрала́сь че́резъ ручей́, онъ поверну́лся на сѣ́длѣ всѣмъ тѣ́ломъ наза́дъ и закрича́лъ:

„ Р-ы́-сью, ма-аршъ!“

— Сто́йте, сто́йте, Бо́га ра́ди! Помоги́те, помоги́те, бра́тцы! — кричу́ я; но то́потъ дю́жихъ коней́, стукъ ша́шекъ и шу́мный каза́чій го́воръ гро́мче моего́ хрипѣ́нья — и меня́ не слы́шатъ!

О, прокля́тіе! Я въ изнеможе́ніи па́даю лицо́мъ къ землѣ́ и начина́ю рыда́ть. Изъ опроки́нутой мно́ю фля́жки течётъ вода́, моя жизнь, моё спасе́нье, моя́ отсро́чка сме́рти. Но я замѣча́ю э́то уже́ тогда́, когда́ воды́ оста́лось не бо́льше полстака́на, а остальна́я ушла́ въ жа́дную, сухо́ю зе́млю.

Могу́ ли я припо́мнить то оцѣпенѣ́ніе, кото́рое овладѣ́ло мно́ю по́слѣ э́того ужа́снаго слу́чая? Я лежа́лъ неподви́жно, съ полузакры́тыми глаза́ми. Вѣ́теръ постоя́нно перемѣня́лся и то дулъ на меня́ свѣ́жимъ и чи́стымъ во́здухомъ, то сно́ва обдава́лъ меня́ во́нью. Сосѣ́дъ въ э́тотъ день сдѣ́лался страшнѣе вся́каго описа́нія. Разъ, когда́ я откры́лъ глаза́, что́бы взгляну́ть на него́, я ужасну́лся. Лица́ у него́ уже́ не́ было. Оно́ сползло́ съ косте́й. Стра́шная костяна́я улы́бка, вѣ́чная улы́бка, показа́лась мнѣ тако́й отврати́тельной, тако́й ужа́сной, какъ никогда́, хотя́ мнѣ случа́лось не разъ держа́ть черепа́ въ рука́хъ и препари́ровать цѣ́лыя го́ловы. Э́тотъ скеле́тъ въ мунди́рѣ съ свѣ́тлыми пу́говицами привёлъ меня́ въ содрога́ніе. „Э́то — война́, поду́малъ я; — вотъ ея́ изображе́ніе“.

А со́лнце жжётъ и печётъ попре́жнему. Ру́ки и лицо́ у меня́ уже́ давно́ обожжены́. Оста́вшуюся во́ду я вы́пилъ всю. Жа́жда

му́чила такъ си́льно, что, рѣши́вшись вы́пить ма́ленькій глото́къ, я за́лпомъ проглоти́лъ всё. Ахъ, зачѣ́мъ я не закрича́лъ казака́мъ, когда́ они́ бы́ли такъ бли́зко отъ меня́! Е́сли бы да́же э́то бы́ли и ту́рки, всё-таки лу́чше. Ну, му́чили бы часъ, два, а тутъ я и не зна́ю ещё, ско́лько вре́мени придётся валя́ться здѣсь и страда́ть. Мать моя́, дорога́я моя́! Вы́рвешь ты свои́ сѣды́я ко́сы, уда́ришься голово́ю объ стѣ́ну, проклянёшь тотъ день, когда́ родила́ меня́, весь міръ проклянёшь, что вы́думалъ на страда́ніе лю́дямъ войну́!

Но вы съ Ма́шей, должно́ быть, и не услы́шите о мои́хъ му́кахъ. Проща́й, мать, проща́й, моя́ невѣ́ста, моя́ любо́вь! Ахъ, какъ тя́жко, го́рько! Подъ се́рдце подхо́дитъ что́-то. . . .

Опя́ть э́та бѣ́ленькая соба́чка! Дво́рникъ не пожалѣ́лъ её, сту́кнулъ голово́ю объ стѣ́ну и бро́силъ въ я́му, куда́ броса́ютъ соръ и льютъ помо́и. Но она́ была́ жива́.

И му́чилась ещё цѣлый день. А я несча́стнѣе ея́, потому́ что муча́юсь цѣлыхъ три дня. За́втра — четвёртый, пото́мъ пя́тый, шесто́й. . . . Смерть, гдѣ ты? Иди́, иди́! Возьми́ меня́!

Но смерть не прихо́дитъ и не берётъ меня́. И я лежу́ подъ э́тимъ стра́шнымъ со́лнцемъ, и нѣтъ у меня́ глотка́ воды́, чтобъ освѣжи́ть воспалённое го́рло, и трупъ заража́етъ меня́. Онъ совсѣмъ расплы́лся. Мириа́ды черве́й па́даютъ изъ него́. Какъ они́ копоша́тся! Когда́ онъ бу́детъ съѣденъ и отъ него́ оста́нутся однѣ ко́сти и мунди́ръ, тогда́ — моя́ о́чередь. И я бу́ду таки́мъ же.

Прохо́дитъ день, прохо́дитъ ночь. Всё то же. Наступа́етъ у́тро. Всё то же. Прохо́дитъ ещё день. . . .

Кусты́ шевеля́тся и шелестя́тъ, то́чно ти́хо разгова́риваютъ. „Вотъ ты умрёшь, умрёшь, умрёшь!“ ше́пчутъ они́. „Не уви́дишь, не уви́дишь, не уви́дишь!“ отвѣча́ютъ кусты́ съ друго́й стороны́.

— Да тутъ ихъ и не уви́дишь! — гро́мко раздаётся о́коло меня́.

Я вздра́гиваю и ра́зомъ прихожу́ въ себя́. Изъ густо́въ глядя́тъ на меня́ до́брые голубы́е глаза́ Я́ковлева, на́шего ефре́йтора.

— Лопа́ты! — кричи́тъ онъ. — Тутъ ещё дво́е, да и́хній.

„ Не на́до лопа́тъ, не на́до зарыва́ть меня́, я живъ! “ — хочу́ я закрича́ть; но сла́бый стонъ выхо́дитъ изъ запёкшихся губъ.

— Го́споди! Да ника́къ онъ живъ? Ба́ринъ Ива́новъ! Ребя́та! Вали́ сюда́, нашъ ба́ринъ живъ! Да до́ктора зови́!

Че́резъ полмину́ты мнѣ льютъ въ ротъ во́ду, во́дку и ещё что́-то. Пото́мъ всё исчеза́етъ.

Мѣрно кача́ясь, дви́гаются носи́лки. Э́то мѣрное движе́ніе убаю́киваетъ меня́. Я то проснусь, то сно́ва забу́дусь. Перевя́занныя ра́ны не боля́тъ; како́е-то невырази́мо отра́дное чу́вство разли́то во всёмъ тѣлѣ. . . .

— Сто-о-ой! О-опуска́-а-й! Санита́ры четвёртая смѣ́на, маршъ! За носи́лки! Бери́сь, подыма́-ай!

Э́то кома́ндуетъ Пётръ Ива́нычъ, нашъ лазаре́тный офице́ръ, высо́кій, худо́й и о́чень до́брый человѣ́къ. Онъ такъ высо́къ, что, оберну́въ глаза́ въ его́ сто́рону, я постепе́нно ви́жу его́ го́лову съ рѣ́дкой дли́нной бородо́й и пле́чи, хотя́ носи́лки несу́тъ на плеча́хъ четы́ре ро́слыхъ солда́та.

— Пётръ Ива́нычъ! шепчу́ я.

— Что, голу́бчикъ?

Пётръ Ива́нычъ наклоня́ется надо мно́ю.

— Пётръ Ива́нычъ, что вамъ сказа́лъ до́ктторъ? Ско́ро я умру́?

— Что вы, Ива́новъ, по́лноте! Не умрёте вы. Вѣдь у васъ всѣ ко́сти цѣ́лы. Э́такій счастли́вецъ! Ни ко́сти, ни арте́ріи. Да какъ вы вы́жили э́ти тро́е съ полови́ною су́токъ? Что вы ѣ́ли?

— Ничего́.

— А пи́ли?

— У ту́рка взялъ фля́гу. Пётръ Ива́нычъ, я не могу́ говори́ть тепе́рь. По́слѣ. . . .

— Ну, Госпо́дь съ ва́ми, голу́бчикъ, спи́те себѣ́.

Сно́ва сонъ, забытьё. . . .

Я очну́лся въ дивизіо́нномъ лазаре́тѣ. Надо мно́ю стоя́тъ доктора́, сёстры милосе́рдія, и кро́мѣ нихъ, я ви́жу ещё знако́мое лицо́ знамени́таго петербу́ргскаго профе́ссора, наклони́вшагося надъ мои́ми нога́ми. Его́ ру́ки въ крови́. Онъ во́зится у мои́хъ ногъ недо́лго и обраща́ется ко мнѣ:

— Ну, сча́стливъ вашъ Богъ, молодо́й человѣ́къ! Жи́вы бу́дете. Одну́ но́жку-то мы отъ васъ взя́ли; ну, да вѣдь э́то — пустяки́. Мо́жете вы говори́ть?

Я могу́ говори́ть и разска́зываю имъ всё, что̀ здѣсь напи́сано.

PRINTED IN ENGLAND
AT THE OXFORD UNIVERSITY PRESS

OXFORD RUSSIAN PLAIN TEXTS

New Series under the general editorship of

NEVILL FORBES

Crown 8vo, limp cloth. In clear type.

November 1919

'It is impossible to praise too highly the series of Russian Plain Texts. . . . Printed on excellent paper . . . in a type which should one day be universal in Russia and which in the Oxford editions is very much more readable than any other type, large or small, that we have seen; short works by all the great Russian authors in prose and verse have either appeared or are in preparation.'—*Journal of Education.*

'Show what exquisite printing in Russian type can be done in England . . . should be in the hands of all students of Russian.'—*The Times.*

(Of Tolstoy's *Prisoner of the Caucasus*, annotated). 'A model little reader for beginners. . . . The notes and glossary are ideal.'—*Daily Mail.*

Leo Tolstóy. A Prisoner of the Caucasus, edited by E. G. Underwood. Pp. 64. 1s. 6d. net. Also with introduction, notes, and vocabulary, by E. G. Underwood and Nevill Forbes. Pp. xxxvi + 128. 2s. 6d. net.

Turgénev. Pegasus, Biryúk, Forest and Steppe, edited by E. G. Underwood and Nevill Forbes. Pp. 56. 1s. 6d. net.

Púshkin. The Queen of Spades, edited by E. G. Underwood. Pp. 64. 1s. 6d. net.

Gógol. An Old-World Country-House, edited by Nevill Forbes. Pp. 64. 1s. 6d. net.

Dostoévski. A Christmas-Tree and a Wedding, An Honest Thief, edited by Nevill Forbes. Pp. 64. 1s. 6d. net.

Saltykóv. Pilgrims and Wayfarers, Bygone Times (from the *Provincial Sketches*), edited by Nevill Forbes. Pp. 80. 1s. 9d. net.

Korolénko. In the Night, Easter Eve, edited by Nevill Forbes. Pp. 96. 1s. 9d. net.

Goncharóv. Men-servants of Other Days, edited by Nevill Forbes. Pp. 80. 1s. 9d. net.

Krilóv. Select Fables, edited by E. G. Underwood. Pp. 62. 1s. 6d. net.

Lérmontov. Selected Poems, edited by E. G. Underwood. Pp. 64. 1s. 6d. net.

Editions of the above will also be issued with introductions, notes and vocabularies. Other volumes by Grigoróvich, Gárshin, Aksákov, Gleb Uspénski, Púshkin, and Chékhov are in preparation.

Elementary Russian Grammar, with exercises and indexes. 3s. net.

Russian Grammar for more advanced students. Second edition, revised and enlarged, with indexes. 6s. net.

'Admirably suited for its purpose.'—*Athenaeum.*

'Practical as well as scholarly.'—*Manchester Guardian.*

'The fullest and most scientific of these books is Mr. Forbes's *Russian Grammar.* Mr. Forbes has a wide experience of Slavonic languages and their pronunciation.'—*Modern Language Review.*

First Russian Book. Second edition. A Practical Manual of Russian Declensions. The case-endings and vocabularies, with phonetic transcription and easy phrases. 3s. net.

'This admirably arranged manual by an accomplished philologist meets the needs of the beginner in Russian in a thoroughly adequate way. Difficulties are not shirked, and real help is afforded.'—*Journal of Education.*

'Original and useful to the student in that it treats the language without touching the complicated question of the verb.'—*Modern Language Review.*

Second Russian Book. Second edition. A Practical Manual of Russian Verbs. The most important verbs with full phonetic transcription, and numerous examples of their use. 3s. 6d. net.

Deals with the verb on the same principle as the First Book with case-endings, and is so planned that those who prefer to begin Russian by learning the verb can start with this book and use the other as a supplement.

Third Russian Book. Extracts from Aksákov, Grigoróvich, Hérzen, and Saltykóv, edited with full foot-notes and complete vocabulary. 3s. net.

A reading-book adapted for use with the Russian Grammar and the First and Second Russian Books. The selections are graduated in difficulty and the vocabulary and notes make it possible to read the book without the aid of any other volumes than the above.

'The notes are scholarly and are just what is wanted by an intelligent student, and the vocabulary is quite full enough to enable the learner to dispense with a larger dictionary.'—*Journal of Education.*

'Mr. Forbes supplies a capital and varied collection of fine literature.'—*Glasgow Herald.*

Fourth Russian Book. Russian and English Exercises, &c. Specially designed for use with the above volumes, including examples of Russian correspondence. Part I, English into Russian Exercises. 2s. net. *Now ready.* Part II, Russian into English Exercises. *In preparation.*

Serbian Grammar. By DRAGUTIN SUBOTIĆ and NEVILL FORBES. 7s. 6d. net.

'A great difficulty with beginners is the accent. Throughout the new grammar the Serbian words are marked with their appropriate accents, so that blunders of pronunciation can be avoided. . . . The grammar includes a large quantity of helpful examples, and is very clear on all difficult points.'—*Balkan News.*

An English Grammar for Serbs, by the same authors. *In the press.*

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
AA 000 570 819 3

Two Volumes in the New ... the Natio...

Russia. A History from the Varangians to the Bolsheviks. ...ORBES, and G. A. BIRKETT. Crown 8vo.

...ry, in French or English, that we have ...time, the average reader has put before ...count of the growth of Russia, the ...e rise and fall of its autocracy. This ...l.'—*New Statesman.*

...ation of this admirably designed and

...of Bulgaria, Serbia, Greece, ...s, A. J. TOYNBEE, D. MITRANY, D. G. ... net.

...y of the war. . . . The problems . . . ...th intimate knowledge, and in a spirit ...reflect the greatest credit not only ...holarship generally.'—*Times Literary*

PG
3460
J3T6E

...ford school of modern history, a book ...olitics is bound to possess.'—*Journal*

... history one can find nowhere else, ...alkan problem are of singular interest ...view.*

...ORBES. Paper covers. The ...h Literature, 1s. net; Tolstoi, 1s. net.

... By LUCY CAZALET. Crown ... 2s. 6d. net.

...nes.*

'A really good elementary history. It is written in a concise manner and states its facts neatly and clearly.'—*Scottish Historical Review.*

A READER BY PERCY DEARMER

A First Russian Reader from L. N. TOLSTOY. Compiled, with English notes and a vocabulary, by P. DEARMER and A. TANANEVICH. Crown 8vo, cloth, pp. 80, 2s. net.

'Will enable the student to obtain an excellent knowledge of the Russian language.'—*The Schoolmaster.*

'The notes to these short extracts are precisely what the learner needs.'—*Journal of Education.*

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
AT
LOS ANGELES
LIBRARY

University Of California, Los Angeles
L 007 626 256 7